

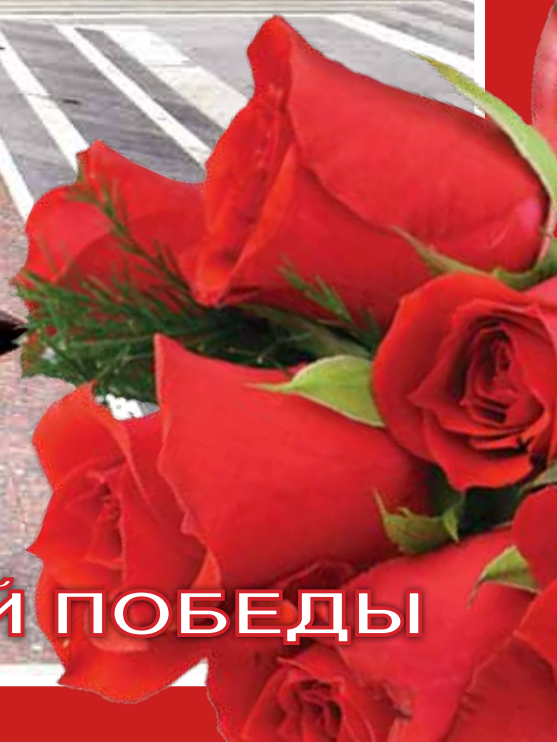
№5
Май 2015

РУССКИЙ КЛУБ

ГРУЗИЯ И
ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА

Стр. 6

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Владимир ГОЛОВИН
Инна БЕЗИРГАНОВА

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДZE
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE
ГУЛБАТ ТОРАДZE
ДЖАНСУТ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

ФОНД РУССКИЙ МИР

РУССКИЙ КЛУБ

№5
Май 2015

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ГРУЗИЯ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
ЛАДО ТАВАДZE
- 10 ПОБЕДИВШИЕ СПЯТ СЛАЩЕ ПОБЕЖДЕННЫХ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 14 ПЕПЕЛ СЕВАСТОПОЛЯ СТУЧАЛ В ЕГО СЕРДЦЕ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 17 ДЕДУШКА ИДРИС
ПОЛИНА ЖЕРЕБЦОВА
- 20 ГРОСОЧКА
ВЛАДИМИР ДОБРОДЕЕВ
- 22 ОДНА НА ВСЕХ ПОБЕДА
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 24 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 ГРИБОЕДОВЦЫ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 34 ЮБИЛЕЙНЫЙ МАРАФОН ПРОДОЛЖАЕТСЯ
- 36 МЕЧТЫ ДОЛЖНЫ СБЫВАТЬСЯ!
ЕЛЕНА КРЫНЖИНА
- 40 «МАСТЕРСКАЯ ПЕТРА ФОМЕНКО» В ТБИЛИСИ
- 42 ДИАЛОГ «ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ»
МАРИЯ ФИЛИНА
- 46 «ЖИВУТ ВО МНЕ ВОСПОМИНАНЬЯ»
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 50 ЗОДЧИЙ ОТВЕЧАЕТ ЗА ВСЕ
МАРИЯ ФИЛИНА
- 54 РОЖДЕННЫЙ ДЛЯ БОЛЬШОЙ СЦЕНЫ

На обложке – Мемориал Неизвестного солдата в парке Ваке. Тбилиси
Фото А. Сватикова

ДО

— Роб АВАДЯЕВ

ОДИН ИЗ БЕНУА

3 мая 1870 года родился известный русский художник, историк искусства и художественный критик Александр Николаевич Бенуа. Он был представителем третьего поколения знаменитой обрусевшей французской семьи, давшей России немало деятелей искусств, а его отец — Николай Леонтьевич Бенуа служил главным архитектором Петергофа. Александр родился в Петербурге, окончил гимназию и юридический факультет столичного университета, но его больше тянуло к изобразительному искусству. Сначала он некоторое время проучился в Академии художеств, потом увлекся теорией и историей искусства, а также занимался рисованием и живописью, больше акварельной. Поначалу Бенуа прославился, как талантливый искусствовед, но когда он привез из поездки в Париж серию «Последние прогулки Людовика XIV», о нем заговорили, как о талантливом художнике. Он создал чудесные виды Петербурга и его окрестностей — Петергофа, Ораниенбаума, Павловска, а также серию акварелей и гуаши «Версальские парки». Много времени Александр Николаевич посвятил и общественно-организационной деятельности, создав объединение «Мир искусства» и встав у истоков знаменитой дягилевской труппы «Русские сезоны». После револю-

ции Бенуа занялся спасением национальных памятников и был назначен заведовать Картинной галереей Эрмитажа. Именно ему мы обязаны сохранностью этого великого собрания живописи. А еще Александр Николаевич был прекрасным иллюстратором и художником-сценографом — чего только стоят его декорации к балету И.Ф. Стравинского «Петрушка». Он не вернулся в советскую Россию из заграничной командировки в 1926 году и оставшиеся годы жил и работал во Франции.

750 ЛЕТ ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Считается, что день рождения автора «Бессмертной комедии» 21 мая 1265 года — Боккаччо вспоминал, что и сам Данте говорил будто рожден под знаком Близнецов. Известно, что он был крещен под именем Дуранте. Его предки были римскими патрициями из рода Элизиев, основавших прекрасную Флоренцию, а также рыцарями-крестоносцами. Традиционно, его семья принимала активное участие в политической жизни родного города и, случалось, неоднократно преследовалась за свои убеждения. Не избежал этого и Данте. Примерно в возрасте 30 лет он, будучи известным и любимым в городе поэтом, занялся общественной деятельностью и даже был избран приором. Данте пришлось этого жениться на дочери лидера враждебной партии Манетто Донати, пожертвовав собой ради ненадежного политического союза. Вероятно, он был назначен ей в мужья, чтобы примирить злейших противников. Но мира, судя по всему, достичь не удалось. И в 1302 году его партия «белых гвельфов» потерпела сокрушительное поражение, а сам Данте был вынужден навсегда отправиться в изгнание — больше он Флоренции не видел никогда. К нему в ссылке присоединились его дети, но не жена Джемма — они так и не стали близки. Ведь всем, кто читал его стихи — а читали их все — было известно, что Данте всю жизнь любил только одну Беатриче — знатную фло-

рентийку из дома Портинари. Он девятилетним мальчиком ее увидел в церкви и был сражен. Но они никогда не были вместе. Беатриче так и осталась только прекрасным символом любви и «владычицей его помыслов», хоть и разговаривали они всего два раза в жизни. В описании жизни Данте осталось много «белых страниц». Он прожил жизнь скитальца — в Вероне, Болонье, Луниджьяне, Казентино, Равенне и даже в Париже. При таких частых переездах, конечно, невозможно сохранить все семейные архивы. В частности, сейчас невозможно узнать, когда он начал и сколько лет писал свой величайший труд — «Божественную комедию». Известно лишь, что заключительную часть «Рай» он дописывал в последние годы в Равенне. Бокаччо рассказывал семейную легенду, что после смерти Данте Алигьери никак не удавалось отыскать 13 последних песен. Пока он сам не приснился своему сыну Якопо и не показал, куда он их положил.

ДВА НОБЕЛИАТА

Представьте себе, что два уроженца одной страны, ставшие лауреатами При-Нобель — знаменитой премии, учрежденной на деньги динамитного короля Альфреда Нобеля — родились в один день. Это настолько редкое совпадение, что оно, наверное, достойно войти в Книгу рекордов Гиннеса. Но так случилось. И случилось именно в России, у которой, к слову, не так уж много нобелиатов, особенно в такой непростой номинации, как литература — всего пять. А тут двое

из них, и в один день. Это Михаил Шолохов и Иосиф Бродский. Они оба родились 24 мая с разницей в 35 лет. Шолохов в 1905 году, а Бродский перед самой войной в 1940. Трудно найти столь непохожих творцов, и дарованием, и убеждениями, да всей прожитой жизнью. Один — Шолохов обласан властью, осыпан орденами и лауреатскими значками, богатый, знаменитый, прожил помещиком в своей родной станице Вешенской, приезжая на зиму, подобно великому Старцу Льву Толстому, в Москву. Другой — Бродский бедствовал всю молодость, перебиваясь редкими заказами на переводы, был выслан в северную деревеньку «за туне-

ядство». И в итоге, вынужденно отправившись в эмиграцию, где получил возможность вести жизнь профессионального литератора и профессора университета, получил признание во всем мире, стал нобелиатом и похоронен в Венеции. Вот такие разные судьбы, а Родина — одна...

АВТОРУ КНИГ ПРО ТАРТАРЕНА 175 ЛЕТ

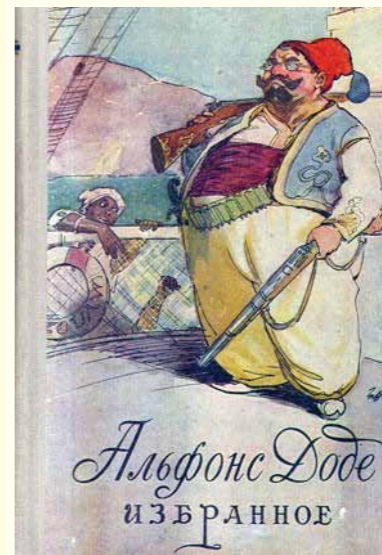
В майские дни на юге Франции в небольшом красивом городе Ниме, что на самой границе Лангедока и Прованса, основанном самим императором Октавианом Августом, проводится традиционный его уроженца Альфонса Доде. Все читатели в мире знают его литературного героя — бесстрашного Тартарена из Тараскона, веселого хвастуна и вралю. В этом году 13 мая исполняется 175 лет со дня рождения Доде — прекрасного писателя, драматурга и журналиста. Выходец из семьи разорившегося владельца фабрики шелковых тканей, он с семьей переехал сначала в Лион, а потом в Париж, где и прожил всю свою жизнь. Он сме-

РУССКИЙ ПРОФЕССОР ИЗ ПАСТЕРОВСКОГО ИНСТИТУТА

В мае исполняется 170 лет со дня рождения еще одному лауреату Нобелевской премии из России — гениальному ученому Илье Ильичу Мечникову. Он работал в области биологии и медицины и был одним из основоположников эмбриологии, первооткрывателем фагоцитоза и внутриклеточного пищеварения, фагоцитарной теории иммунитета и основатель научной геронтологии. Он родился в семье гвардейского офицера, выходца из молдавского боярского рода, а его мать была дочерью известного еврейского публициста Льва Николаевича Невзговича. Молодой Мечников закончил харьковскую гимназию и из-

нил множество профессий, так или иначе связанных с писательством — был журналистом, репортером, театральным критиком и даже литературным секретарем, пока не обрел известность, как сочинитель романов и новелл и не стал независимым. Доде входил в круг самых знаменитых писателей того времени — Флобера, Эмиля Золя, братьев Гонкуров и Ивана Тургенева. Будучи приятным и веселым человеком, он поддерживал с ними самые теплые дружеские отношения. В этом кругу было принято посмеиваться друг над другом. И результатом стало бессмертное произведение про Тартарена — друзья покатывались со смеху, узнавая себя в уморительно забавных персонажах. Отечественная литература тоже знает такую литературную пародийную поделку — «Буратино» Алексея Толстого, который, как известно, высмеял там и Горького, и Блока, и Мейерхольда в образе Карабаса Барабаса. Но, как и в случае с Доде, проходит время, и новые читатели уже не подозревают о реальных аллюзиях, просто получая удовольствие от самой книги.

вестный городской университет. А потом, благодаря знаменитому Пирогову, продолжил обучение в Германии и Италии, затем стал доцентом в Новороссийском университете, а потом защитил диссертацию в Санкт-Петербургском университете. Выйдя в отставку из-за несогласия с «реакционной политикой в области просвещения», Мечников вместе с Н.Ф. Гамалеей организовал частную лабораторию — первую в России бактериологическую станцию для борьбы с инфекционными заболеваниями. Через некоторое время он получил приглашение из знаменитого Пастеровского института в Париже возглавить специальную лабораторию, где и проработал почти 30 лет до самой своей смерти. Несмотря на это, Илье Ильич был и остается гордостью России, в его лаборатории проходили обучение и стажировку все видные отечественные биологи-иммунологи, создавшие уникальную научную школу, базирующуюся на научных открытиях Мечникова.

ГРУЗИЯ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

■ ЛАДО ТАВАДЗЕ

«С огнем я этой ночью воевал,
И все казалось мне в дыму атак,
Что за спиной Тбилиси мой стоял/
И так смотрел! / И улыбался так!»
Это слова поэта Мирзы Геловани, пожалуй, самого молодого члена Союза писателей Грузии, в 22 года одевшего военную форму, и погибшего 27-летним офицером-танкистом. Он – один из более 300 тысяч уроженцев маленькой южно-кавказской страны, не вернувшихся с самой кровопролитной войны в истории человечества. В последнее время кое-кто стал оспаривать эту цифру, да вообще всю статистику об участии Грузии в Великой Отечественной войне – как в сторону уменьшения цифр, так и в сторону их увеличения. Но капитальные исследования, на протяжении десятилетий проводившиеся и солидными научными организациями, и видными историками, все-таки свидетельствуют: из 3,5-миллионной

Грузии на фронт ушел каждый пятый ее житель. То есть 700 тысяч человек. И почти каждый второй из них пал в боях или скончался от ран в госпиталях. Пусть читателя не удивляет обилие фамилий на этих страницах – они сегодня звучат как в мартирологе, наш долг – поклониться им, и очень жаль, что масштабы журнала не позволяют вспомнить всех.

Грузины были в числе тех, кто ранним июньским утром 1941 года первыми встретили удар фашистов. Их было свыше ста в гарнизоне легендарной Брестской крепости, и лишь несколько человек тяжело ранеными, без сознания, оказались в плену. Остальные пали или пропали без вести – артиллеристы П.Абхазава и И.Босташвили, политработники А.Каландадзе и О.Асатиани, радист И.Зедгинидзе, пехотинцы Ш.Мурусидзе, А.Шеварднадзе,

А.Гелашвили... Сотни солдат из Грузии служили под командованием майора Т.Уртмелидзе в 333 стрелковом полку, который почти полностью погиб на берегу Западного Буга в первые дни войны. А выживший тогда лейтенант Л.Чубинидзе, участник еще войны с финнами, был убит через два года, уже освобождая Киев, и посмертно стал Героем Советского Союза. Этого же звания удостоился и еще один участник первых боев с фашистами – офицер-артиллерист В.Харазия, тоже погибший позже, в 1942-м. А под другими западно-украинскими городами – Перемышлем, Львовом и Дрогобычем, на которые внезапно обрушились вражеские армады, сражались дивизии под командованием генералов П.Абрамидзе, М.Микеладзе и Ш.Чанкотадзе.

Всего полгода успел провонять летчик майор А.Цурцумия встретивший начало войны на Черноморском флоте. Но до его гибели в декабре 1941 бомбардировочная эскадрилья, которой он командовал, успела уничтожить 6 вражеских полков, 7 кораблей, 10 аэродромов, 247 железнодорожных вагонов и цистерн, 176 танков, 1215 автомашин с живой силой и вооружением. Прямо скажем, цифры впечатляющие, осо-

бенно для того периода войны. Но и этого мало. Уже в первые месяцы войны летчик-грузин, посмертно ставший Героем Советского Союза, бомбил важнейшие военные объекты в Бухаресте, Плоешти и Констанце. А еще в первых сражениях с захватчиками на разных фронтах особо отличились другие Герои Советского Союза из Грузии: летчик Ч.Бенделиани, пулеметчик Г.Биланишвили, моряк А.Гегешидзе, артиллерист Т.Буачидзе – на Украине, летчики М.Горбачев (под Ленинградом), Б.Зумбулидзе (в Смоленской области), Д.Джибладзе (в Прибалтике), артиллерист К.Ткабладзе – в Белоруссии...

И это – только начало войны. А ведь потом сыны и дочери Грузии сражались на всех участках советско-германского фронта – от Баренцова до Черного морей. Их не только призывали военкоматы, они шли добровольцами, требуя немедленной отправки на фронт, из них в первые три месяца войны были сформированы народные ополчения, которые практически полностью влились в действующую армию. А зимой 1942-го, когда стали формироваться национальные воинские соединения, появилась и первая грузинская дивизия – 224-я стрелковая. Затем были созданы 242-я, 276-я, 296-я, 392-я, 394-я, 406-я, 414-я и 417-я грузинские стрелковые дивизии. А еще грузинами было укомплектовано до 60% личного состава 9-й и 20-й горно-

стрелковых дивизий. В строй становились даже те, кто имел право не участвовать в боевых действиях. Так, сваны, из-за своей малочисленности, были освобождены от отправки на фронт. Но когда гитлеровцы поставили свой флаг на Эльбрусе и вышли к перевалам Кавказиони, сваны, блестяще знающие все горные тропы, не только стали проводниками, но составили целый батальон для борьбы с немецкими горными егерями...

А можете себе представить, что испытали соседи тбилисской семьи Мерквиладзе, когда увидели на запертой двери ее квартиры надпись: «Дома никого нет. Все ушли на фронт»? Все – это муж, жена, трое сыновей. И самое замечательное, что никто из них не погиб! Увы, такая счастливая развязка далеко

не всегда ждала десятки других грузинских семей, отправивших на поля сражений все свое младшее поколение. Вообще же, цифры под которыми можно поставить слова Владимира Высоцкого «а сыновья, а сыновья уходят в бой», потрясают. Одиннадцать (!) человек – шесть сыновей и пять внуков отправил на фронт семья Бочоришвили из села Мухури Ткибульского района, девять человек – трех сыновей и шесть внуков – семья Сохадзе из села Гогоleti Амбролаурского района, восемь братьев Гергая ушли воевать из села Карата Хобского района, по семь братьев – из семей Амбролаурского района Гиоргобиани (село Тхмори) и Бешидзе (село Лихети), Курдадзе (село Кемпери Хашурского района), столько же сыновей проводили на войну три брата Турнава из села Агараки Ланчхутского района, пятерых сыновей и двух внуков – семья Гиригиани из села Сумуши Цагерского района. Шесть семей из разных регионов Грузии дали сражающейся армии по шесть своих «кровиночек», одиннадцать семей – по пять. А уж по три и четыре... Кстати, имя Героя Советского Союза генерала Константина Леселидзе известно всем, но не каждый помнит, что вместе с ним ушли на фронт и три его брата, один из которых, Виктор, тоже получил звезду Героя.

Мы просто не сможем даже вкратце перечислить здесь всех битв великой войны и победоносных партизанских рейдов, всех дерзких операций европейского Сопротивления и сражений Второй мировой войны с японцами на территориях Китая и Кореи уже после окончания Великой Отечественной, в которых принимали участие дети

Могила Неизвестного солдата в парке Ваке

Грузии. Но достаточно вспомнить, что среди них были 280 тысяч награжденных различным орденами и медалями, генералиссимус и два маршала, 87 генералов и адмиралов, а 164 из них стали Героями Советского Союза. Мало кто знает, что летчик Виталий Попков, дважды удостоившийся высшей награды страны и ставший прототипом главного героя знаменитого фильма «В бой идут одни старики», первые шаги в небо сделал именно в Грузии – он окончил Гагринскую планерную школу. Не всем известно и то, что красноармеец Георгий Майсурадзе, который был в числе более чем 400 воинов, повторивших подвиг Александра Матросова, оказался в числе четырех счастливых, оставшихся в живых. Его наградили звездой Героя посмертно, а он прожил еще 23 года...

Кстати, о золотых героических звездах. Весной 1943 года их получили... начальник Закавказской железной дороги Г.Кикнадзе и машинисты паровозов тбилисского депо Н.Геладзе, Ш.Кохреидзе, А.Циклаури. Это были уже звезды Героев Социалистического Труда – «за особые заслуги в обеспечении

перевозок для фронта и народного хозяйства». Они – символ самоотверженности, проявленной грузинскими тружениками тыла. До войны промышленность Грузии вообще не выпускала ни оружия, ни боеприпасов, и военной техники. Поэтому для изготовления военной продукции пришлось и предприятия реконструировать, рабочих переучивать. А из-за того, что война разорвала связи с оккупированными экономическими районами СССР, срочно потребовалось не только научиться добывать некоторые виды сырья, но и производить инструменты, запчасти и материалы, которые были привозными.

И вот на Зестафонском ферросплавном заводе, который перестал получать кокс, стали использовать ткибульские и квезанские коксующиеся угли и впервые в СССР освоили производство металлургического марганца электродлитическим способом. Поставки из Грузии ферросплавов, применяемых при выплавке боевых сталей, постоянно увеличивались. А на Батумском нефтеперерабатывающем заводе также впервые, но уже во всем мире (!) научились получать авиабензин из низкокаче-

ственной нефти. А потом еще и стали извлекать бензин из крекинга, который шел только на топливо.

После того, как в декабре 1941-го в Тбилиси эвакуировался Таганрогский авиационный завод № 31, Грузия стала впускать истребители. На военные рельсы перешли уже существовавшие крупные предприятия. Из цехов Тбилисского паровозостроительного завода выходили автоматы, батальонные минометы с минами, осколочные снаряды. А еще оттуда на фронт отправились два бронепоезда, полностью укомплектованные личным составом. К ремонту танков и их двигателей приступили несколько заводов – станкостроительный, авторемонтный, «Центролит», металлоконструкций, сельхозмашин. Участвовали в этом важнейшем деле даже обувная и штемпельно-граверная фабрики и ремесленное училище №3. Тот же «Центролит» и «Грузокоопсоюз» только за первый год войны отправили на фронт 570 тысяч бутылок с «коктейлем Молотова». А энергетики смогли к концу войны ввести в строй новый агрегат Ткварчельской ГРЭС и приступить к созданию ее второй очереди, возобновить возведение

Храмской и Сухумской ГЭС, начать строительство Читахевской ГЭС.

В 1942-м вся промышленность Грузии завершила переход на военные рельсы, а к следующему году легкая промышленность выпустила 6 миллионов комплектов обмундирования и обуви. Этого хватило для 100 дивизий! Вообще же до 90% швейных и обувных предприятий работали по спецзаказам Главного управления тыла Красной Армии. Десятки тысяч комплектов альпинистского снаряжения были отправлены в горнострелковые части, колхозники на 5 тысячах арб доставили военные в грузы в Сванетию. В деревне, отдавшей фронту множество скота и транспорта, женщинам пришлось заменять ушедших в окопы, и за годы войны свыше 300 тысяч представительниц овладели сельскохозяйственными профессиями, в том числе и механизатора.

Сами недоедая и недосыпая, труженики тыла собрали для фронта 1.825.094 единицы теплой одеж-

вели 19 километров противотанковых препятствий.

«Уплотняя» многие гражданские учреждения, войсковым частям, расквартированным в Грузии, передавали сотни зданий. А для эвакуационных госпиталей, которые стали создаваться с первых же дней войны, отвели санатории, дома отдыха, другие лечебные учреждения и некоторые школы, подобрал медиков и других специалистов, оборудование и инвентарь, приняв добровольных помощниц-санитарок. Тысячи и тысячи раненых бойцов были вылечены в 72-х таких госпиталях...

Сегодня все это – уже история. Для кого-то очень далекая, а для кого-то – ставшая частью жизни: к счастью живы еще и те, кто ее делал, и дети военной поры. Есть и те, кто считают, что эту историю надо подкорректировать, дать ей новые оценки. Что ж, как известно, сколько людей – столько мнений. Но любые мнения расставят по местам и лучший судья – время, и голос крови, и память, в которой не

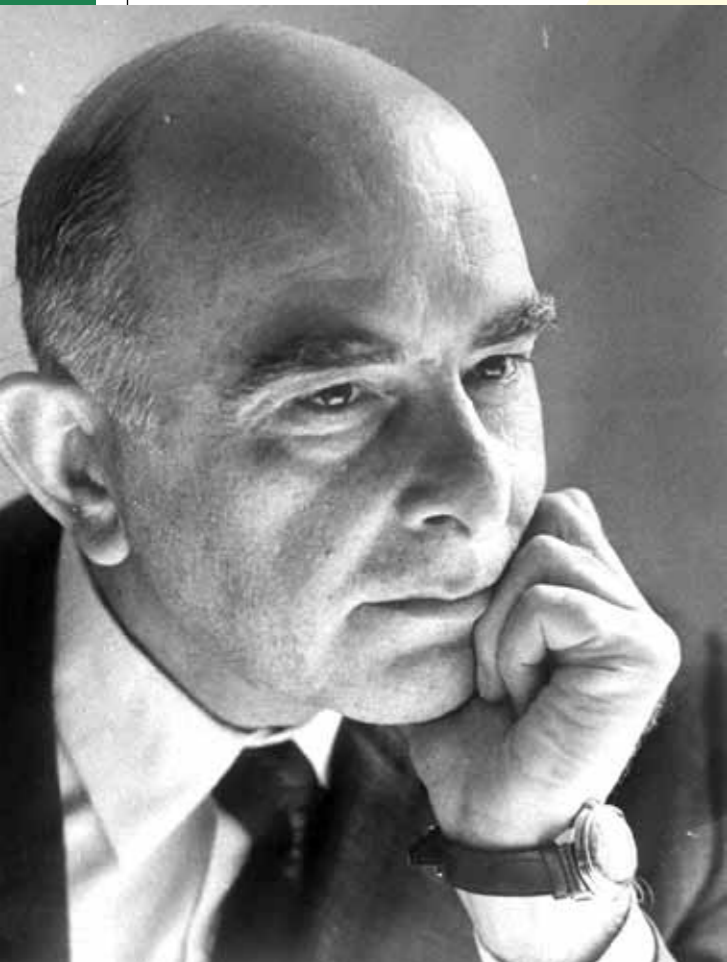

Мелитон Кантария и Михаил Егоров

ды, внесли 272 миллиона рублей на строительство танков и самолетов, сдали 115 миллионов пудов различных сельскохозяйственных продуктов, выделили свыше 7 тысяч гектаров земли под огороды семей фронтовиков и эвакуированных. В Абхазии до 8 тысяч человек, ежедневно работавших на строительстве оборонительных сооружений, к ноябрю 1942-го выполнили свыше 800 тысяч кубометров земляных работ, заготовили 70 тысяч кубометров леса и воз-

могут не жить люди, выстоявшие в те страшные годы. Девиз «Никто не забыт и ничто не забыто» – не просто слова. Это – кредо, образ мышления любого, кому не чужда благодарность. Ведь если бы ОНИ тогда не выстояли, если бы Мелитон Кантария вместе с русским другом Михаилом Егоровым не подняли Знамя Победы над поверженным Берлином, просто не было бы нас с вами.

Павле Кохреидзе

ПОБЕДИВШИЕ СПЯТ СЛАЩЕ ПОБЕЖДЕННЫХ

— Анастасия ХАТИАШВИЛИ

ГЕРОЙ-Артиллерист

Но сегодня время в комнате ветерана, как будто остановилось. Со стены на него смотрит живописный портрет любимой супруги, покинувшей Кохреидзе почти 50 лет назад. Справа — окно в шумную городскую жизнь, слева — пыльные словари иностранных слов и газеты. Вечное стремление к знаниям — журналистская привычка...

В сентябре Павле Герасимовичу исполнится 94 года. А в глазах проносятся яркие воспоминания о четырех лет непрерывной борьбы за отечество, четырех лет войны, которая навсегда поселится в его сердце, и победы, которая подарит вечность.

А ведь тогда Кохреидзе было всего 20 лет. Молодой человек только начал постигать азы высшего образования в Тбилисском государственном университете. Его увлекала богатая грузинская словесность и литература родного края. Один из немногих на факультете филологии Павле подавал большие надежды. Пока не грянул июнь 1941 года, когда ранним воскресным утром Германия внезапно напала на СССР.

Кохреидзе тут же отправили на учебу в офицерскую школу в Баку. Павле начал изучать науку зенитной артиллерии. Вместе с другими полутора тысячами молодых людей его готовили в запасной полк. Но из них экзамены на главное испытание в своей жизни сдали всего 150 человек. Павле был одним из них.

Но не просто одним, а лучшим. Поэтому после блестящего результата экзаменов парня отправили в Тамбовское артиллерийское училище.

Там Кохреидзе стал прекрасно разбираться в искусстве противотанковой артиллерии. А проверить свои навыки пришлось уже в бою. Так молодой парень получил звание лейтенанта и попал на линию фронта под Курском.

Там в это время шли ожесточенные бои. На страх не хватало ни времени, ни сил. Каждая секунда стоила жизни. Битва под Курском вошла в мировую историю как одно из величайших сражений Великой Отечественной и Второй Мировой войны в целом. Войска вермахта, а также стран-союзниц Германии — Румынии, Венгрии и Италии — начали наступление на территорию Курской области с октября 1941 года. Вскоре такие районные центры как Крупец, Рыльск, Хомутовка, Дмитриевка были оккупированы фашистами.

— Именно под Курском в ноябре 1941 года на базе 3-ей части воздушно-десантного корпуса была сформирована 87-ая стрелковая дивизия, позже переименованная в 13-ую гвардейскую стрелковую дивизию, — вспоминает Павле Кохреидзе. — В ее рядах во время страшного ночного боя за один из районных центров Курска я и получил свое первое боевое ранение. Мой полк обстреливал немецкие танки, когда меня задело осколком. Пришлось взять некоторую паузу: два месяца я пролежал в военном госпитале в Воронеже.

Но враг не медлил. И тоже приближался к Воронежу. Мгновенно город попал в опасную зону. И еще не окрепшего грузинского бойца с его соратниками эвакуировали в Сталинградском направлении.

— Мы направились к городу Калач, — вспоминает П.Кохреидзе. — Это административный центр Калачеевского района Воронежской области. До него нам пришлось идти пешком. Транспорта не было. Начальство, естественно, передвигалось на конях. А мы шли пешком целых десять дней. Шли ночью, потому что днем немцы нещадно нас бомбили. В Калаче я получил назначение и попал в знаменитый 665-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Это была хорошая гвардейская часть. Офицеры в пехоте получали 2 тысячи рублей, я, как командующий взводом, 4 тысячи. Помню, тогда я на радостях прислал маме тысячу рублей. Больше 25 процентов отсылать родственникам было нельзя, — грустно улыбается ветеран.

С этой грустной улыбкой, завидной твердостью характера и невероятно храбрым сердцем Кохреидзе талантливо руководил своей артиллерийской батареей в сражениях под Харьковом, Ростовом, Киевом, Житомиром и особенно в битве за Сталинград, которая принесла ему Орден Александра Невского.

БИТВА ЗА СТАЛИНГРАД

Сталинградская битва, несомненно, стала крупнейшей сухопутной битвой в истории человечества. Именно это сражение оказалось переломным моментом в ходе военных действий и окончательно отбило у фашистов какую-либо стратегическую инициативу, поставив врага в тупик. По приблизительным подсчетам, Сталинградская битва унесла более двух миллионов жизней с обеих сторон.

После Харьковской катастрофы Красной Армии в мае 1942 года, когда врагу удалось продвинуться на южный участок фронта, Гитлер срочно вмешался в планирование военных операций, приказав группе армий «Юг» разделиться: группа «А» пошла на Северный Кавказ, а группа «Б», которая включала в себя армию Фридриха Паулюса и 4-ую танковую армию Г.Гота двинулась на Сталинград.

Враг обладал внушительным преимуществом авиации, в артиллерии и особенно в танках. Тогда гитлеровский генерал Гот нанес удар сильной группировкой по левому флангу 64-й советской армии. Разведка сразу же обнаружила этот маневр, и в числе других

бригад навстречу немецким танкам был выдвинут 665-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк Павле Кохреидзе.

— Мы днем и ночью воевали против немецких танков, — рассказывает Кохреидзе. Стояли перед пехотой. Ледяная опасность смотрела нам прямо в глаза. На нас шли двадцать, сорок танков. И мы были обязаны отражать их атаки. Стреляли, как могли. К сожалению, тогда мы потеряли почти половину батареи. Из 130-ти моих бойцов в живых остались только 75. Остальные погибли. Это была очень страшная борьба...

В начале 1943 года в результате операции «Кольцо» армия Паулюса была разгромлена. 31 января советские войска ликвидировали южную группировку врага. Полностью пленено было командование и штаб 6-й армии во главе с Фридрихом Паулюсом — автором плана Барбаросса.

— Осажденный в Сталинграде Паулюс был в серьезном замешательстве и пытался убедить Гитлера, что армии лучше отступить, — рассказывает П.Кохреидзе. — Но Гитлер был неумолим и не хотел верить в поражение. Он приказал фельдмаршалу воевать до последнего солдата и ни в коем случае не покидать Сталинграда, города, названного именем его заклятого врага. Он обещал Паулюсу, что будет налажено снабжение блокированной армии по «воздушному мосту», и, что в самое ближайшее время его армия будет деблокирована. Однако вопреки заверениям Гитлера попытка деблокады провалилась.

В результате операции «Кольцо» в плен были взяты более 2500 офицеров и 24 генерала 6-й армии. Всего же были взяты в плен свыше 91 тысячи солдат и офицеров вермахта. Из них в Германию по окончании войны вернулось не более 20%. Большинство умерло от суровых морозов, истощения, дизентерии и других болезней.

4 февраля 1943 года в Сталинграде состоялся большой митинг, но Павле Кохреидзе не смог на нем присутствовать из-за своего второго ранения, полученного в самый разгар Сталинградской битвы. Грузинский боец попал в Саратовский госпиталь, а потом его направили на реабилитацию в курортный поселок Шафраново, в Альшеевский район Башкирии.

СХВАТКА С «ТИГРАМИ»

После выписки из санатория Шафраново Павле Кохреидзе попал в 13-ую гвардейскую дивизию 62-ой армии, которой командовал генерал Василий Чуйков. В рядах его армии Павле Кохреидзе воевал до последнего дыхания войны, освобождая Польшу, Румынию, Болгарию и Германию.

Во время Берлинской операции, в составе 1-го Белорусского фронта, Павле Кохреидзе и гвардейцы Чуйкова прорвали сильную оборону противника и успешно вели боевые действия за Берлин. Имея за плечами богатейший опыт сталинградского сражения, бойцы умело вели уличные бои, в короткий срок разгромив и заставив капитулировать врага. Именно на командном пункте В.И. Чуйкова 2 мая 1945 года начальник Берлинского гарнизона генерал Вейдлинг подписал капитуляцию немецких войск и сдался в плен.

— Наши войска заняли Кенигсберг, — продолжает Кохреидзе. — На подступах к Берлину были самые жаркие бои. Нас атаковали

немецкие танки — тигры, которые называли непобедимыми...

«Тигром» называли немецкий тяжелый танк — прототип танка VK4501, разработанного фирмой «Хеншель» в 1942 году. Впервые эти танки применились в сражении 29 августа 1942 года под Ленинградом и использовались войсками вермахта вплоть до окончания Второй мировой войны. Затраты на производство «тигра» в два раза превышали стоимость любого танка тех времен.

— Что тут скажешь, — разводит руками Кохреидзе, — «тигр» был, действительно, необычайно устрашаем. А на нас шла целая колонна «тигров». Это была схватка не на жизнь, а на смерть. Мы отчаянно стреляли по ним из пушек. Во время атаки некоторые танки удалось подбить, многие бойцы скрывались от «тигров» в окопах. При стрельбе моего наводчика ранило и мне пришлось продолжить борьбу в одиночку. Как сейчас помню ощущение железа пушки в моих руках. Раз выстрел, два, три... Я подорвал 5 «тигров». Всего моя батарея, которая стреляла из 9-ти пушек, подбила тогда 14 танков.

За эту схватку с немецкими «тиграми» Павле Герасимович Кохреидзе был награжден орденом Отечественной войны первой степени. Но его не обошло стороной и третье ранение. Это произошло всего в 12 километрах от Берлина — Кохреидзе ранило в спину. Но бесстрашный грузинский боец хотел дойти до победного конца. Он даже просился в госпитале оставить его раненого на линии фронта, чтобы стать участником взятия Берлина. Но, увы, ранение было слишком серьезным.

В апреле 1945 года Павле Кохреидзе срочным авиарейсом отправили на лечение в Москву. Ветеран до сих пор помнит, как на встрече в Большом театре ему и его однополчанам, как героям взятия Берлина, стоя аплодировала и поздравляла многотысячная публика. По словам Кохреидзе, таких пламенных поздравлений в его

жизни больше не было.

Вскоре его вновь отправили в санаторий Шафраново, где 9 мая 1945 года Кохреидзе и узнал о безоговорочной победе СССР над фашизмом. Через месяц герой Отечественной войны был демобилизован в Тбилиси с воинским званием капитана.

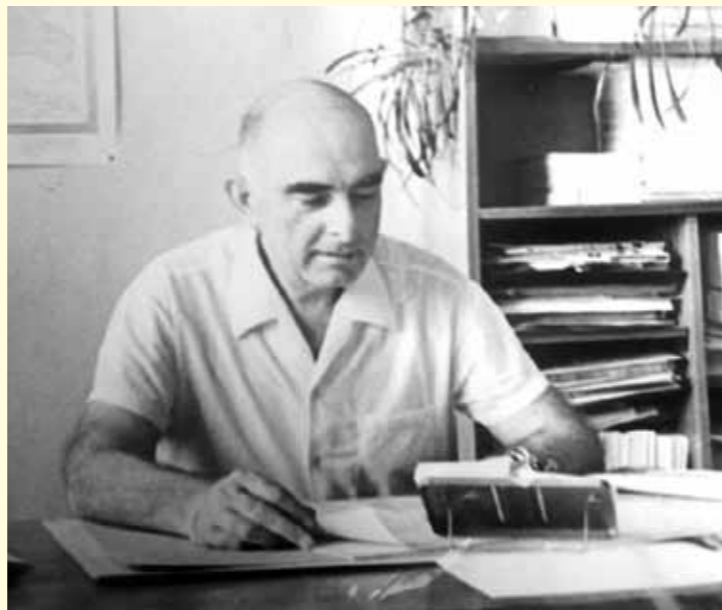
ВОЗВРАЩЕНИЕ В МИР

С войны нельзя вернуться прежним, и Павле это понимал, как никто другой. А поэтому, сразу по возвращению в родной город Цулукидзе (ныне Хони, Имерети) сразу занялся активной публицистической деятельностью в местном райисполкоме, а потом стал внештатным корреспондентом в газете «Коммунисти» (1946-52 гг.). Писал о войне, гражданской жизни грузинской молодежи, о работе колхозов и совхозов, деятельности заводов и фабрик, об успехах молодых рабочих.

Журналистская среда захлестнула Кохреидзе с головой. Павле оттачивал свое писательское мастерство и быстро продвигался по карьерной лестнице. Вскоре Кохреидзе становится членом редакционного совета, а потом и главным редактором. Его даже приглашали заведовать газетой «Советская Аджария» в Батуми (1952-53 гг.).

А потом талантливого журналиста с впечатляющим военным прошлым пригласили на работу в Тбилиси. И Кохреидзе решил, что пришло время повысить свою профессиональную квалификацию: он

В рабочем кабинете

попросился в Высшую партийную школу КПСС в Москву. В 1946-1991 гг. там подготавливали руководящие партийные и советские кадры, а также руководителей средств массовой информации. Прием в школу осуществлялся по рекомендации ЦК КП союзных республик. Но с этим у Павле Герасимовича Кохреидзе проблем не было. Безупречная репутация и острый талант были обезоруживающими козырями.

После получения диплома московской партийной школы Павле Кохреидзе сначала работал председателем отдела литературы и искусства в газете «Коммунисти», а потом его назначили заместителем редактора в газете «Тбилиси» (1958-74 гг.). Кохреидзе фактически стоял у истоков этой газеты, привлек в нее множество выдающихся авторов, всегда заботился

Павле Кохреидзе, Элисабед Багратиони, Галактион Табидзе и Мери Вардосанидзе

о повышении их квалификации и профессиональном мастерстве.

После плодотворной работы в газете «Тбилиси» Павле Герасимовича Кохреидзе ждала долголетняя редакторская деятельность в газете «Сакартвелос комунисти» («Коммунист Грузии»), а также служба в архивном управлении председателем научно-публицистического отдела. Очень долго под его руководством там издавался «Исторический вестник» и ежегодный научно-информационный бюллетень. Вплоть до 2006 года Павле работал членом коллегии органа «Ветераны Грузии». Надо отметить, что в 1997 году Эдуард Шеварднадзе наградил Павле Кохреидзе Орденом чести за вклад в грузинскую журналистику.

В кругу семьи

ПОБЕДА БЫВАЕТ РАЗНОЙ

Но все победы начинаются с побед над собой. И в этом Павле однозначно преуспел. Правда, у Кохреидзе не удалась в жизни долгая и счастливая история любви.

Свою супругу, Этер Салуквадзе, Павле встретил в газете «Коммунисти». Прекрасная, интеллигентная, самоотверженная Этер сразу воспламенила в сердце Павле Кохреидзе нешуточную любовь. И это сильное чувство было взаимным. В 1955 году Этер и Павле решили пожениться. А спустя 3 года

С сыном Арчилом

на свет появился их сын Арчил. Сегодня он является доктором исторических наук, автором нескольких значительных трудов. Позже в свои избранницы Арчил Кохреидзе выберет известного грузинского экономиста Манану Чкадуа.

Большую часть своей жизни жена Кохреидзе Этер посвящала работе. В разное время она занимала должность секретаря тбилисской организации Кировского райкома ЦК ВЛКСМ, первого секретаря тбилисской организации Калининского райкома, секретаря тбилисского областного комитета ВЛКСМ, а также первого заместителя председателя Верховного Совета Грузии. Все эти ответственные должности занимали много времени, нервов, эмоционального и физического здоровья женщины. По словам Павле Кохреидзе, часто Этер возвращалась с работы только к полуночи. Сердце не выдержало такой нагрузки. И в 1968 году супруги Павле и матери маленького Арчила не стало.

Может поэтому в светлых глазах Павле Кохреидзе сегодня живет глубокая грусть. Или, может это, как после опьянения победой возникает чувство великой потери. И звенящей пустоты — после того чудовищного боя во имя спасения миллионов человеческих жизней на Земле. А, возможно, это просто взгляд кроткого ожидания того Вечного Сна. Ведь Плутарх говорил, что победившие спят слаще побежденных.

Ярослав Иоселиани у перископа

В Севастопольской бухте

ПЕПЕЛ СЕВАСТОПОЛЯ СТУЧАЛ В ЕГО СЕРДЦЕ

■ Арсен ЕРЕМЯН

Небольшая лодка, которую получил Ярослав, вызвала обидные реплики на базе. Друзья медлили поздравлять Иоселиани. Опытные подводники знали, что лодка, командование которой доверили отважному свану, не имела на своем счету побед. Молодой командир догадывался о толках, но знал он и другое: как ни мала его подводная крепость, она представляла опасность для немецких транспортов, а свести счеты с врагом ему хотелось давно, просто руки чесались от нетерпения.

За спиной остался опаленный огнем Севастополь. А дальше открывалась бесконечная морская ширь, за которой была его Сванетия. Мальчиком Иоселиани покинул родное селение Лахири. Ярослав жил в Гагрском интернате. Потом поступил в Сухумский педагогический институт. По комсомольской путевке в 1934 году пришел в ленинградское морское училище им. М.В. Фрунзе. Море властно звало юношу, год он работал штурманом

на Черноморском флоте. Наступила пора овладения искусством военно-морского дела. В 1940 году окончил сектор подводного плавания Морской академии им. К.Е. Ворошилова.

Придя на море, Ярослав остался дозорным его рубежей. Черное море, знакомое с детских лет. Только все это отступило в прошлое, и золото пляжей, и гомон купальщиков.

В первый день войны Ярослав доложил комиссару дивизиона подводных лодок: «Нам не следует бояться мелководья. Мы не подходим близко к берегу, а потому не часты встречи с неприятелем».

Знал он твердо, что воюют не числом, а умением. И, обходя отсеки лодки, знакомился с экипажем. Уверенность и спокойствие Иоселиани передались людям. А командир не скрывал от экипажа своих намерений. Лодка-малютка в кратчайший срок должна была выйти на первое место в дивизионе. Это в будущем, а завтра выход в море.

Трое суток шли к боевой позиции. Еще в пути Ярослав принял решение подходить к неприятелю на предельно близкую дистанцию, а потом бить наверняка. Запас торпед, взятых на борт, был невелик, и расходовать их следовало бережно.

После обеденной вахты обнаружили семитонную баржу в окружении трех катеров. Иоселиани пошел в свою первую самостоятельную атаку...

Сколько их было, блестяще проведенных боевых операций, в обход минных полей, где на минрепах глубоко под водой притаилась смерть, многочасовые глубинные бомбежки, только первый залп по врагу запомнился до мельчайших деталей.

Вздрыгнула, освободившись от грозного груза, лодка. Спустя несколько мгновений в носовом отсеке услышали, как торпеда глухо ударила в борт баржи. Командир начал разворачивать лодку на обратный курс. Мелькнули в послед-

ний раз иллюминаторы баржи, и тяжелая посудина неловко начала валиться на корму. Очень скоро от баржи остались одни круги на воде.

Не успели подводники отпраздновать первую победу, как над их головами прошел катер. Немцы решили, что баржа подорвалась на mine, и не проявляли признаков беспокойства. Неприятель считал район плавания чистым, а потому следовало запастись терпением и готовиться к новым схваткам.

Ждали до захода солнца. Несколько раз поднимали перископ, но в его окуляре отражалась одна водная пустыня, словно залитая алой кровью. Бежала легкая волна, и ничто не напоминало об упорном бое, разыгравшемся вокруг. Солнце утонуло за кромкой горизонта. Казалось, настало время возвращаться на базу, но подводники чувствовали присутствие врага. И вот перископ приблизил движущуюся мишень. К ним пожаловал транспорт тысяч на шесть тонн. После взрыва он заметно накренился и сбавил ход.

Очень скоро о молодом командире с уважением заговорили бесстрашные подводники. Но боевое умение оставалось бы лишь умением, если бы не огонь ненависти, полыхавший в его груди. Ярослав

Подводная лодка в родной бухте

вспоминал пустынные улицы Севастополя, оставленного после ожесточенных боев, поверженный в руины город. Пепел Севастополя стучал в его сердце. Никакое неравенство сил не могло его заставить отказаться от боя.

Вот и сегодня он занял боевую позицию на виду у самого Севастополя. Погрузили лодку и легли вдоль Лукулевского створа. Только Ярослав сомкнул веки, как его сбросил с койки шум винтов вражеских катеров. Загremели взрывы бомб. В лодке стало темно, как ночью. На центральном посту сорвало задрайку. Вода с шумом ворвалась в подводный корабль. Трюмные под ледяным душем бросились исправлять повреждения. Семь часов краснофлотцы находились под непрерывной бомбежкой, пока не оторвались от преследования.

К ночи обнаружили конвой, следовавший на Севастополь. В перископ отчетливо вырисовывались силуэты танкера водоизмещением на три тысячи тонн, транспорта — около двух тысяч тонн, четырех самоходных барж, следовавших под охраной 12 кораблей и нескольких самолетов.

Иоселиани помнил наказ командира бригады, человека легендарной смелости, предложившего

вести бой на короткой дистанции.

Танкер раскололи с двух кабельтовых. Погасло освещение в отсеках. Горохом посыпались в воду глубинные бомбы, общим числом до восьмидесяти, шум катеров то удалялся, то настигал лодку.

Спасение подводного корабля зависело от быстрого погружения. Коснулись грунта на глубине сорока метров. Плотность батарей была на исходе, а сторожевые катера все еще не унимались. Лежать дольше становилось опасно. Оставалось только прорываться сквозь минное поле, несмотря на опасность каждую минуту взорваться. Катера проводили лодку до поля-западни, а потом повернули восвояси.

Вот раздался леденящий скрежет по обшивке корабля троса, к которому подвешена мина. Только ушли от опасности, как коснулись нового минрепа, и на этот раз смерть обошла стороной.

Так воевали до сорок третьего года, когда громовое эхо возвестило о разгроме немцев под Сталинградом. Снова бороздит воды подлодка, на рубке которой растет число отметок о победах.

Мастерски был потоплен транспорт, державший курс на Одессу. Охранялись транспорты только со стороны моря. Иоселиани учел это и ударил с берега, откуда его не

НУГЗАР ЦЕРЕТЕЛИ

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ
ВАЛЬС

Закат не дает отстоять
 Одному постоянному цвету.
 Вспоминается мне опять
 Что видел и слышал где-то.
 За свободу платили кровью.
 Рядом с Сапун-горой
 Спят наши герои.
 Безветренный порт тих.
 К лайнеру жметса баркас.
 Мерно качает их
 Севастопольский вальс.
 Крутится медленно порт –
 Города синий штурвал,
 Южная ночь плывет,
 Тенями рисуя бульвар.
 Улицы вальсу в такт:
 На рейде стоит теплоход.
 Луна забирается в парк,
 С небом сверяя ход.
 За проспектом встает проспект
 До кипарисовой чащи.
 Завтра представилось мне,
 Тихое, светлое наше.
 Ночь, а город не спит,
 В окнах свет не погас,
 Тихо мечты кружит
 Севастопольский вальс.

Перевод Н. Тархнишвили

С боевыми наградами

ждали.

Черное море. Десятки тысяч миль в туманах и штормах прошел боевой экипаж, внося смятение в ряды неприятеля. Сдерживали чувства капитан Я.Иоселиани и его экипаж, прощаясь с кораблем, который уберегли от бомбовых ударов и мин.

Дорога. Разрушенные от налетов железнодорожные пути. Голые, покрытые мхом скалы. Край белой ночи, в котором не чувствовалось дыхание весны. Здесь, далеко от Сванетии, Я.Иоселиани узнал о присвоении ему 16 мая 1944 года звания Героя Советского Союза. В представлении было написано: «За 11 месяцев 1943 года подводная лодка под командованием капитана 3-го ранга Иоселиани выполнила 11 боевых походов и потопила 12 судов противника общим водоизмещением 14200 тонн, нанесла повреждения двум его транспортным судам...»

Отметить высшую награду решил командир в открытом море.

Баренцево море не было ласковым. Но настроение у командира было приподнятое, он и его люди вели корабль вдоль заснеженных, казалось, безлюдных берегов. Именно оттуда пойдут вражеские транспорты, эскорты военных кораблей. Сигнальщик доложил:

– Товарищ командир, курсовой угол пять градусов правого борта,

дистанция двадцать кабельтовых, силуэт танкера!

Танкер имел большую осадку, вез столько горючего, что мог обеспечить танковую часть на полмесяца боевых действий. Не дрогнула рука командира, не донес фашистский танкер бензин до своих «тигров», разлился он по морским волнам. Карающая торпеда сократила век несколькими десятками убийц.

Венцом побед был назван позднее этот поход Ярослава Иоселиани. Боевой счет подлодки пополнился еще тремя победами. После танкера встретили и проводили два транспорта. Была короткая дистанция, был риск пострадать от собственной торпеды, яростный обстрел с суши и моря, была двухдневная погоня фашистского эскорта – двух эсминцев и нескольких сторожевых катеров, но, в конце концов, благополучное возвращение на базу, приветственный салют кораблей, поздравляющих с тройной победой...

Все население Верхней Сванетии, кажется, вышло встречать своего знаменитого земляка, который однажды, уже в конце войны, приехал домой. Когда его спросили, за что он удостоился Золотой Звезды Героя, 34-летний капитан сказал: «Эта награда принадлежит всему боевому экипажу «Советской Сванетии» и вам, мои дорогие друзья, которые отдали свои личные сбережения на строительство нашей замечательной лодки. И она оправдала ваше доверие».

Прошли годы. Иоселиани работал инспектором Главной инспекции Вооруженных Сил СССР. В 1952 году окончил Высшую Военную академию Генерального штаба ВС СССР, командовал соединением подводных лодок, работал в Генштабе СА. Прославленный командир капитан 1-го ранга в отставке, кавалер ордена Ленина, четырех орденов Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Нахимова II степени, Красной Звезды, был занят мирным трудом, работал заместителем председателя Государственного комитета Совета Министров Грузии, писал книги о советских подводниках. Опыт и мастерство Ярослава Иоселиани стали достоянием истории, гордостью искусства военноморского дела.

Дедушка Идрис

■ Полина ЖЕРЕБЦОВА

Я помню его, худощавого, скромного старика-ингуша сидящего в обувной будке ярко синего цвета. Ее было видно издали – маленький живой маяк среди мертвой зыби неуклюжих, больших домов.

Мы с матерью часто приносили ему чинить свои поношенные ботинки и туфли.

– Извините, – обычно говорила с поклоном мать. – Не почините ли в долг, до зарплаты? Они совсем прохудились...

– Починю, – кивал с улыбкой дедушка Идрис. – Не переживайте, Лена. И с деньгами не торопитесь. Всю жизнь я сапожником проработал и понял: это Аллах великое счастье мне дал. Кропотливо и тихо, но все же помогать людям...

– Вы нас очень выручили, – мать доставала из пакета ботинки, взглянув на которые каждый бы понял:

когда-то они просили кашу, потом ее переели, и их стошнило...

– Ой-ой-ой, – качал головой седой Идрис, но, поймав печальный взгляд матери, кивал: – подошву новую пришью. Починю.

Я крутилась неподалеку, зная наперед, что без конфеты от него ни один ребенок не уходит.

В темно-перестроенные времена получить ириску, а может быть, даже карамельку от кого-то из взрослых было для меня делом чести.

Нашарив в кармане сарафанчика белый мелок, обмененный мной у другого ребенка на кусок батона, я принялась рисовать на асфальте картинки, внимательно посматривая на старика.

Так сначала появилось солнце с кривыми лучами и кот, задумчиво смотрящий на мышку в короне.

Мышь получилась большая, намного больше солнца, и чтобы дорисовать ее, пришлось зайти за угол синей будки...

Для своих шести лет я рисовала неплохо, и очень гордилась тем, что под моим мелком на асфальте возникали целые сказки-картинки.

Но места для продолжения трудов не было!

Другой не менее гениальный художник, уже изрисовал асфальт позади будки сапожника, да и всю ее саму...

– Полина! Полина, ты где? – услышала я голоса взрослых.

– Тут я! – крикнула в ответ.

Появились уставшая мама с пустым пакетом и дедушка Идрис. Он прихрамывал, опираясь на тросточку, и шел с большим трудом.

«С немцами храбро воевал. Герой...», – вспомнила я фразу кого-то

из соседей.

— Чего ж ты убегаешь? — спросил он.

— Вот... — я показала на чужие рисунки: — Смотрите!

— Вижу, — дедушка Идрис нахмурился: — Опять скверные мальчишки нарисовали войну.

Я всмотрелась в чужое творчество.

На синей будке был нарисован белым мелом горящий дом. Из него вырывалось белое пламя. Какие-то маленькие фигурки стреляли друг в друга, и от их оружия шли длинные пунктиры, попадающие другим фигуркам в голову и сердце.

А под ногами на асфальте расположился большой пистолет, совсем как у меня — водяной, из которого мы с друзьями стреляли в жаркое лето по прохожим...

Только этот был настоящим! Таких можно играть в «войнушку»!

— Придется опять смывать и чистить... — Идрис явно расстроился.

— Вам помочь? — спросила мама: — Я могу отмыть.

— Нет. Спасибо Лена, я сам. Это мальчишки местные хулиганят. Плохие рисунки, очень плохие.

— Почему — плохие? — удивилась я. — Нарисовано здорово, мне бы так уметь...

— Нельзя, — он наклонился ко мне: — Запомни, нельзя ни в коем случае рисовать войну. На войне убивают людей: малышей, женщин и стариков. Когда дети начинают рисовать войну или играют в нее — это

самое страшное. Тогда война непременно случится!

— Значит, нельзя? — шепотом переспросила я.

— Да. Так гласит древняя легенда! Обещаешь, что не будешь?

— Обещаю!

Дедушка Идрис засмеялся и, погладив два торчащих на моей голове хвостика волос, вручил настоящую жвачку!

Это была неслыханная роскошь.

От счастья я даже забыла поблагодарить его. Запрыгала, как заяц, и пустилась в пляс вокруг синей будки, прижимая к груди свое сокровище в голубой бумажке с надписью «Love is...»

— Простите ее, — сказала мама, — она еще маленькая...

Прошло несколько лет. Война в нашем городе проросла в человеческую жизнь, и стала, неотделимой от внезапной и бессмысленной смерти.

Четырехэтажный дом по улице Заветы Ильича уже неоднократно горел, и мы хоронили жильцов. Моего родного дедушку разбомбили в больнице. Ему было 72 года. Участник Великой Отечественной. Он лежал на операции, с язвой желудка.

Мы не могли похоронить его неделю. Шли бои.

— Так трудно теперь положить в гроб... — плакала мама.

Слезы текли, но она их не вытирала.

До этого мы уже похоронили бабушку и прабабушку.

Но старичок Идрис, живший в соседнем подъезде, все так же шутил, несмотря на бомбежки, кормил детей и подростков сушками и обещал:

— Война обязательно закончится! Ведь хорошие люди не хотят воевать...

А в мальчика восьми лет, жившего на самом верхнем этаже, попали осколки. И мы все ходили посмотреть, как это — быть в осколках.

Руки и ноги его опухли и нагноились в местах, куда проникло железо.

Но он старался нам улыбаться и говорил:

— Я потерплю и не буду плакать!

Потом, мы узнали, что его удалось вывезти в госпиталь и спасти.

Многих соседей хоронили в огороде. Я узнала, что лучше всего это делать в яме, где недавно разорвался снаряд. Земля — рыхлая и мягкая там, несмотря на зиму, и копать не долго... И не страшно.

А страшно только, пока люди не умрут. Когда они кричат, потому что им очень больно от ранений, которые взрослые называют несовместимыми с жизнью...

6 августа 1996 года в нашем районе с новой силой начались бои.

К тому времени я считала себя большой — 11 лет...

Спросила взрослых:

— Что там, на улице?

Баба Настасья, забежав к нам с мусорным ведром, сообщила:

— Русские войска уходят! Броса-

ют Грозный и уходят! А боевики их подгоняют... Дали 48 часов...

Судя по стрельбе, так оно и было.

Началась Летняя война.

Хотя ее нет в учебниках истории, но она унесла множество жителей города Грозного во владения Смерти.

Только около нашего подъезда погибло более 10-ти человек, от внезапно разорвавшегося снаряда.

Я как раз принесла из колодца воду, и за мной закрылась дверь. В этот миг и прогремел взрыв...

Молоденькую девушку ранило в живот, и она, побелев, упала на ступеньки.

Ее брату оторвало голову. По частям человеческих тел в подъезде можно было изучать анатомию.

Сосед Адам с оторванной ногой катался около нашей входной двери и кричал:

— Дайте мне умереть! Я не хочу быть калекой!

внимания и даже не пригнулся, если начиналась перестрелка. Так и сидел под деревом, чуть раскачиваясь, в такт изуродованным осколками веткам над ним.

Русских жителей после первой войны было мало, кого убили, кто-то сам убежал в Россию скитаться и нищенствовать.

Но в нашей четырехэтажке по прежнему ютилось несколько семей.

Напротив квартиры Идриса жила тетя Валя с Аленкой.

Аленка была младше меня, и мы часто играли, а тетя Валя общалась с моей матерью.

Несчастья так и сыпались на эту семью. Сначала у Аленки сгорел отец. Он кинулся на пожар — тушить, и задохнулся в дыму. Потом, в зиму 95-го от голода и холода умерла ее бабушка Римма...

Соседи-чеченцы засматривались на их хорошо обставленную трехкомнатную квартиру, но — не

тельство и помощь федеральным войскам...», — прочитала соседка Роза, вышедшая на шум ломаемой двери.

— Семья приговаривается к полному уничтожению! — объявил собравшимся соседям главный бандит. — А пострадавшему нашему брату Адаму переходит ее жилье и все вещи, в качестве компенсации...

— Адаму? — спросил кто-то. — Из соседнего подъезда?

— Да, он потерял ногу в фильтрационном лагере русских убийц! При жесточайших пытках! Его «сдала» Валентина. Он правду рассказал!

— Так его же у подъезда ранило, после того, как он выпил водки и на гармошке играл... — удивилась Роза. — И не боевик он вовсе, а пьяница сраный... Лена с первого подъезда жгут ему наложила, иначе бы сдох, как собака. Какой фильтрационный лагерь?!

— Молчать и не мешать исполнению! У нас жалоба есть и приказ!

Дверь стала поддаваться под ударами тяжелых ботинок, а соседи — бросились врассыпную.

Тетя Валя с Аленкой металась по своей квартире, понимая, что жить им осталось считанные минуты.

И тут вышел дедушка Идрис.

Загородив собой дверь в квартиру Валентины, он спросил пришедших с автоматами:

— Как можно уничтожить семью, где только несчастная вдова и ребенок?

— Расстреляем! — кричали разгоряченные парни. — Всех русских долой из Чечни!

— Я мусульманин, как и вы, — спокойно продолжал старик: — Я прошу вас разобраться, а не творить бесчестье и зло!

Тетя Валя слышала каждое слово: воспользовавшись внезапной заварухой, она с Аленкой связывала простыни, чтобы слезть с балкона.

Бандиты стали бить старика прикладами. Он упал. Но из последних сил цеплялся за дверь и кричал:

— Что вы творите! Там женщина и ребенок!

Потом его отшвырнули ногой и, выбив замок, ворвались в квартиру.

Но, Валентина с Аленкой уже успели сбежать и затеряться в темных переулках среди частных домов...

А старик Идрис умер на руках у своей старушки.

ГРОСОЧКА

Владимир ДОБРОДЕЕВ

Я еще не рассказал о второй моей любимой немецкой бабушке – Шарлотте Карловне Лампартер, рядом с которой прожил 10 мальчишеских лет. Когда мы в самом начале 1930-х годов переехали из Армавира в Тбилиси, как я уже сказал, нам пришлось сначала жить на Вокзальной улице, шумной и пыльной, где день и ночь гремели трамваи, машины, а с первого этажа неслась невыносимая вонь. Там жила полоумная старуха-полька Левандовская, у которой был целый питомник собак и кошек. Мы буквально задыхались от этой вони в своей маленькой комнатке. На соседней, зеленой и тихой Боржомской улице жила наша бабушка Шарлотта Карловна Лампартер. Мы переселились к бабушке в прекрасный капитальный дом деревянной постройки с верандой во двор, высоченными лепными потолками и большими, венециан-

Доктор Э.Майер (в центре) в кругу семьи. Тифлис. Начало 1920-х гг.

ского стиля окнами. Разместились мы так: в передней проходной комнате – родители, в следующей, выходящей на улицу, – бабушка и мы с Лией. Бабушку все в семье звали Гросочкой, это ласкательное от немецкого «гросмуттер» (бабушка). Гросочка отделила себе угол комнаты комодом и шкафом с ширмой, поставила там себе кровать. Отныне это была ее скромная обитель. Она «самоуплотнилась», добровольно пошла на такую жертву, ибо дети и внуки были для нее самым главным в жизни.

В общем, с бабками мне и Лией явно повезло. Обе были умные, начитанные, добрые. И очень лю-

бознательные. Они жадно интересовались политикой, особенно Гросочка, которая читала все газеты, была всегда в курсе всех новостей, никому не навязывая (тем более нам, воспитанникам советской безбожной школы) своих религиозных воззрений, не читая нам никаких проповедей. Но она была глубоко, истово верующей, не расставалась с молитвенниками на немецком языке. Лютеранская вера была ее духовной и моральной опорой. Каждое воскресенье она шла на богослужение в немецкую кирху на Плехановском проспекте, куда приходили такие же верующие ее старший сын Эрнст с женой Лици и

Слева направо: Юлия Добродеева, Лици, Лия Добродеева, Эрнст и Шарлотта Лампартеры. Тифлис. Середина 1920-х гг.

множество тбилисских немцев. Потом, но не в войну, а уже после нее, словно задним числом в отместку Германии, эту прекрасную кирху разрушили. Причем делать это заставили немецких военнопленных. Каково было тем из них, кто был истово верующим, совершать этот страшный, кощунственный акт вандализма? Впрочем, мы, русские, и своих церквей не щадили.

Гросочка была необычайно общительным человеком. Ее знали и любили все в нашем большом доме на Боржомской, в котором она прожила много лет. Она любила посудачить с соседями на любые темы, особенно по-грузински. Этот язык – язык своей родины – она, чистокровная немка, знала отлично. А брат ее даже породнился с грузинской семьей, женившись на простой крестьянской девушке. Их дети Арсений, Андрей и Надя своим характером больше походили на грузин (отец рано умер), но носили его немецкую фамилию, были Зайделями. К счастью, Надя вышла замуж за грузина и сменила фамилию, а вот двух братьев Зайдель и их уже чисто грузинские семьи, когда началась война с Германией, сослали в Среднюю Азию как «немцев».

Гросочка, как и бабушка Добродеева, рано овдовела и тоже героически поднимала на ноги своих четверых детей. Маленькая, субтильная, хрупкая, она обладала твердой волей и необыкновенной жизнестойкостью. И когда беды обрушились на нее, мы не видели на ее глазах ни слезинки, она крепилась, не хотела нас расстраивать. Укрывшись в своей «келье», она

плакала, но так тихо, что мы почти не слышали.

Муж Гросочки, мой немецкий дед Яков (Якоб) Лампартер, как и все немцы Закавказья, был из колонистов, переселившихся сюда из Германии в прошлые века и осевших здесь, казалось, навсегда. Но советская и постсоветская история внесли в этот вопрос большие коррективы. И большинство закавказских немцев, те, что выжили, вернулись на историческую родину – в Германию.

Дед Яков всю жизнь занимался самообразованием и даже есть предположение, что он пробовал заочно учиться в Берлинском университете. В жизни же у него была весьма прозаическая профессия – он был коммивояжером, агентом по продаже швейных машин знаменитой компании «Зингер». Тысячи экземпляров этих машин разошлись по всему свету и были во многих домах на Кавказе.

Это была нелегкая работенка. Деду приходилось мотаться по всей Грузии, забираться в самые глухие горные районы, даже зимой. Видимо, спасаясь от холода, он стал согрывать себя спиртным. И незаметно втянулся в это пагубное занятие.

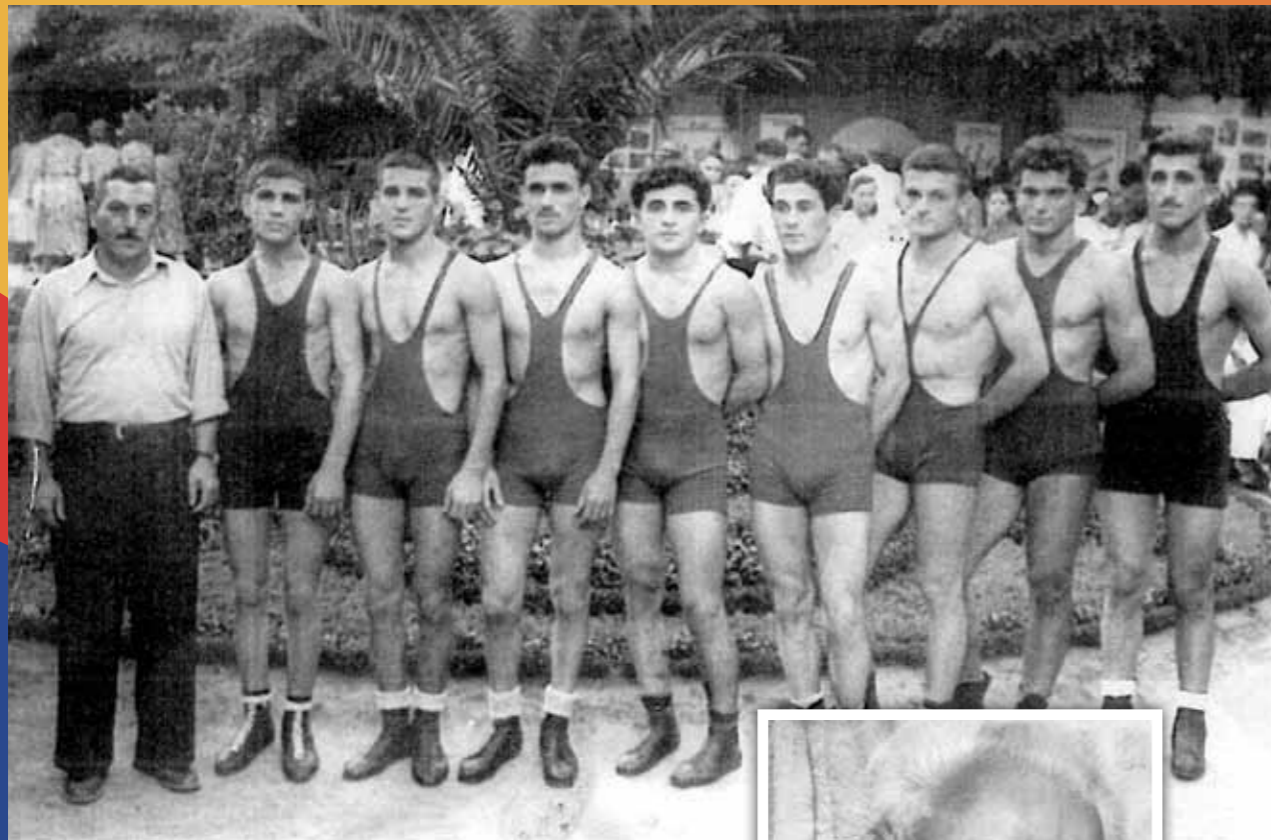
В одну из своих зимних поездок по коммерческим делам фирмы «Зингер» дедушка Якоб застрял в метель в горах в деревенском доме. Ночью выпил. Но даже в этом состоянии его тянуло к книгам. Стал что-то читать. Хмель, однако, потянул его ко сну. В дремоте он случайно зацепил рукой и опрокинул керосиновую лампу. Вспыхнул огонь, загорелась одежда. И хотя

пожар был вскоре потушен, дедушка получил страшные ожоги. Пока его довели до больницы, началась гангрена. Пришлось ампутировать руки. Но и это не спасло. Он умер, не приходя в сознание. То был первый тяжелый удар для Гросочки. А сколько горя было еще впереди...

Я всегда интересовался своей немецкой родословной. Знал, что первые переселенцы на Кавказ были подлинными стоиками и героями. Им пришлось осушать заболоченные земли, бороться с малярией, тифом, выдерживать не только нечеловеческие условия жизни, но и постоянно подвергаться набегам турок, которые сжигали дома колонистов, убивали и грабили, уводили в заложницы молодых женщин. И все же на землях Грузии и Азербайджана немецкие переселенцы создали преуспевающие колонии, научили многому местных жителей, с которыми у них установились самые добрые отношения.

Мои предки из Южной Германии, кажется, из Швабии. И вот однажды, оказавшись в центре этой немецкой земли, в Штутгарте, я взял телефонный справочник в гостиничном номере и обнаружил в нем десятки абонентов под нашей фамилией Лампартер.

Правда, говорят, что эта фамилия происходит от другой – итальянской Ломбарди, но она немного переименована на немецкий лад. В общем, поди разберись, кто я – русский с примесью немецкой крови или немец с примесью итальянской? Внук мой Боря с примесью уже и грузинской крови. Старший внук Димочка – с примесью украинской... Мне всегда бывает смешно, когда иные наши «державники-патриоты» начинают делать «анализ крови», изучают генеалогию, спорят с пеной у рта о чистоте русской нации. А Екатерина II? А Пушкин? А Лермонтов? И пошло-поехало. Нравится это или не нравится, но человечество и раньше, и теперь обречено на смешение рас и наций. Именно такой бурный коктейль разных кровей европейских, азиатских, африканских и латиноамериканских – создал феномен Америки, которая, как бы мы ее за многое ни осуждали, ни ругали, не случайно стала экономическим флагманом, самой мощной державой мира.

Георгий Вардзелашвили и молодежная команда борцов классического стиля. Ростов-на-Дону. 1957

Одна на всех победа

— Арсен ЕРЕМЯН

Однажды, придя на работу, мы, журналисты обнаружили большие перемены. Заместителем редактора нам назначили заведующего организационным отделом тбилисского горкома партии Ираклия Сараджишвили, усиливая партийное руководство. Эту же цель преследовала передача браздов правления президента Федерации борьбы, первого и, по единодушному признанию, лучшего в истории президента федерации.

«Я попал в команду республики лишь после того, как меня включили в состав сборной Союза... Я и не мечтал, что меня поставят рядом с Эгадзе, Гванцеладзе, Коридзе, Абашидзе... Я опускал глаза, когда они были рядом».

Это была действительно великая команда, которая, как правило, занимала первое-второе места, а ее участники становились чемпионами мира и олимпийскими чемпионами.

Заметьте, эти слова принадлежат Роману Руруа. В олимпийском 1968 году он стал чемпионом, а еще на его счету шесть золотых медалей первенства Советского Союза и пять чемпионатов мира.

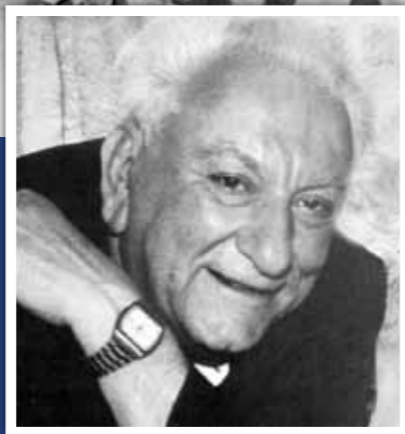
В те годы – 60-70-е – федерация включала спортсменов греко-римской (ее тогда называли классической), вольной, самбо, грузинской борьбы. Позже к Олимпиаде 1964 года в Токио начали готовиться наши борцы – дзюдоисты, когда этот экзотический вид впервые был включен в программу Олимпийских игр. И вся эта армада находилась в ведении Ираклия Ивановича Сараджишвили и государственного тренера по борьбе Вахтанга Ермолаевича Кухианидзе.

Ираклий Иванович был на редкость обаятельным человеком, принципиальным, честным, знал все тонкости борьбы. Этот прекрасный человек всегда был в курсе борцов-

ских дел, хорошо знал всех борцов, знал где они живут, в каких условиях, будучи заведующим отделом горкома партии, успевал всегда и всюду, не пропускал ни одного спортивного соревнования, знал в лицо всех спортсменов, тренеров, судей и даже самых известных болельщиков.

Не забывал он и юных борцов сборной Грузии. Всегда на сборы прикреплял лекторов, которые разъясняли им правила поведения в жизни, рассказывали как вести себя в других городах, гостиницах, взаимодействовать с членами других сборных команд.

В начале 70-х годов наша сборная допустила грубейшее нарушение дисциплины, что повлекло за собой бойкот командного чемпионата Советского Союза. Это было чревато не только дисциплинарной дисквалификацией, но и гораздо худшими последствиями.

Ираклий Сараджишвили

Сборная СССР по вольной борьбе – гость «Вечернего Тбилиси». Сидят: З.Бериашвили, тренер, И.Сараджишвили, А.Алиев; стоят: А.Еремян, Н.Албарян, Ш.Ломидзе, Э.Минасян, А.Загалаев, Ф.Маисая, Е.Тедеев. 1967.

Шота Ломидзе и Ираклий Сараджишвили

Что в этой трагической ситуации делает президент федерации? Он набирает номер правительственной связи тогдашнего министра внутренних дел и говорит всего четыре слова: «Не погуби моих ребят!» Вот, что значило слово Ираклия Сараджишвили!

При этом разговоре присутствовал Тамаз Мачавариани. Он пришел принести извинения за серьезный проступок команды, которая сожалела о содеянном. На Тамазе Мачавариани лежала особая ответственность, поскольку он был в то время основным участником сборной команды Советского Союза и ее капитаном.

Высокие должности, занимаемые Сараджишвили, позволяли ему заботиться об улучшении жилищно-бытовых условий спортсменов, как

они заслуживали.

В 1967 году Тамаз Мачавариани и Роман Руруа стали чемпионами страны по классической борьбе. Сараджишвили вызвал Тамаза к себе и говорит: «Я знаю, ты живешь в родительской квартире. Когда думаешь обзавестись семьей?»

Мачавариани отвечает, что все решает квартирный вопрос. В ту же минуту Сараджишвили берет правительственный телефон и звонит председателю исполкома тбилисского горсовета Шота Бухрашвили и говорит: «У тебя на столе сегодняшние газеты. Перелистай их страницы и увидишь наших ребят».

Председатель поздравил нас с победой. Ираклий Иванович говорит: «Тамаз не имеет квартиры. И что нам делать?» Председатель говорит: «Пусть немедленно едет ко мне!»

Пришел Тамаз к зданию горсовета. Его уже ждали на улице и провели в приемную председателя. В приемной яблоку негде упасть. «Где ты?», – говорят. «Бухрашвили из-за тебя отложил совещание. Ждем спортсмена». Секретарша завела Тамаза в кабинет начальника. Он тепло поздравил и говорит: «Твой вопрос уже решен и я передал соответствующим службам контроль за его исполнением».

Совместная работа с видным партийным работником давала нам большое преимущество перед другими журналистами. Мы, что называется, получали информацию из первых рук. Я, в частности, в доме Романа обнаружил в его альбомах газетных вырезок, что первым написал про первый большой успех выдающегося борца – победу на III Спартакиаде народов СССР 1957 года, что в предолимпийский год приравнялось к званию чемпиона страны.

Уезжая на все соревнования, участники сборных не забывали зайти к своему председателю федерации, обговаривали последние тонкости турнирной тактики и стратегии. Эти встречи, а также «разборы полетов» были предметом интереснейших профессиональных разговоров, на которых закладывались будущие достижения.

Последние дни 1967 года. Сборная СССР только вернулась из Индии, где на чемпионате мира в городе Дели в пух и прах разгромила сильнейшие команды мира. Четыре года подряд наша сборная не могла вернуть звание сильнейшей. Теперь ей это удалось с блеском. В активе нашей команды сорок одно очко. Второе командное место за японцами – 22 очка. У иранцев – 17. Мы принимали в редакционных кабинетах чемпиона мира Али Алиева, вице-чемпионов Зарбега Бериашвили, Шота Ломидзе и Елкана Тедеева, Назара Албаряна и руководство команды.

Еще недавно борцы Грузии следовали замечательной традиции – ежегодно отмечали День борца. Осенью участвовали в Арсеноба, ездили на родину олимпийского чемпиона Арсена Мекокишвили в Сагареджойский район, как бы отчитаться о проделанной работе. Право на поездку получали только олимпийские чемпионы и чемпионы мира. Это предложение о проведении праздника принадлежало Гиви Картозия и незаслуженно забыто, как и многие дела, инициатором которых был этот рыцарь грузинского спорта.

Полдень. По гористой сельской дороге на кладбище шла большая группа немолодых крепких мужчин.

«К Арсену идут», – говорили старики.

«Все-таки для людей нашего возраста трудно подниматься в гору», – сказал Ираклий Иванович.

Никто не спорил.

Старое здание Грибоедовского театра

«Я трогаю старые стены...»

Тифлис: удивительные встречи

Арчил Гомиашвили в роли Остапа Бендера

■ Владимир ГОЛОВИН

В советском кино никогда не появился бы один из самых колоритных и всенародно любимых комических персонажей, если бы в далеком 1945 году обретающий славу режиссер не пригласил в уникальный театр молодого учащегося техникума при Академии художеств. Режиссером был Георгий Товстоногов. Начинающего художника звали Арчил Гомиашвили. А совместно работать они начали в старейшем русском театре за пределами России – тбилисском имени А.С. Грибоедова, который располагался тогда в стенах бывшего Театра грузинского дворянства.

Сегодня трудно поверить, что актер, ставший любимцем тбилисской публики еще задолго до всесоюзной известности, впервые пришел на сцену не играть, а как оформитель спектакля. Но это так. Причем, пришел он путем, отнюдь не характерным для театрального мира – из, говоря старинным «высоким штилем», узилища. И вдобавок многим был известен тогда отнюдь не как Арчил.

Когда он появляется на свет в городе Чиатура, его отец находится

Георгий Товстоногов

далеко. Бывший пастух, одним из первых в деревне выучивший русский язык, был принят в комсомол и отправлен на учебу в Москву, в Школу красной профессуры. А еще через пару лет он уже работает в Донбассе, но не профессором, а на высокой должности председателя профсоюза угольщиков. Узнав о рождении сына, он телеграфирует, чтобы мальчика назвали Виктором – в честь победы революции. Что и было сделано. И лишь намного позже Виктор становится Арчилом – в память о деде, который был довольно известным в Грузии священником. О том, насколько печальными были в 1930-е годы судьбы многих высокопоставленных работников, хорошо известно. Не избегает ареста с последующей ссылкой и Михаил Гомиашвили. Правда ему везет – он остается в живых и даже в 1944-м выходит на волю. Но оправиться от удара судьбы не может до конца жизни. А уж как арест сказывается на судьбе его сына...

В военные годы сыну зэка, да еще с горячим характером, трудно избежать влияния улицы. А тбилисская шпана своей дерзостью и лихостью ничем не отличалась от не чтящих закон сорвиголов других городов. Так что, участие в ее похождениях заканчивается для Арчила арестами. И тут нам надо прислушаться к сказанным через годы словам Юрия Никулина о том, что главный синим име-

ни личности Арчила Михайловича – загадочные жизненные истории. Наиболее достоверные сведения о юности «популярнейшей личности, артиста-легенды» (характеристика, данная все тем же Никулиным) свидетельствуют о следующем. В первый раз Гомиашвили приговаривают к нескольким годам заключения, но от лагеря его спасает амнистия. А после второго ареста его отпускают за отсутствием состава преступления – не удается доказать обвинение в хулиганстве. Сам же он, бывало, рассказывал и о том, что сидел еще и за «политику».

Как бы то ни было, у вышедшего на свободу парня происходит судьбоносная встреча с главным режиссером одного из самых популярных в столице Грузии театров. «Гога Товстоногов хватает меня и везет в театр Грибоедова – оформлять пьесу Лиллиан Хелман «Лисички» и еще уговаривает меня сыграть в спектакле маленькую роль Лео Хаммера. Я стал играть у него главные роли, а я и не собирался быть актером. Это все – счастливая звезда!», – вспоминал он спустя годы. И признавался, что исповедовался «богу Георгию Товстоногову».

Вслед за своим кумиром он уезжает в столицу: «В 1948 году Товстоногов переехал в Москву. Я переехал за ним, поступил в Школу-студию МХАТ. Так определилась моя судьба – я стал артистом». Но та же судьба все-таки предназначает ему вернуться на родину. Опять «загадочная жизненная история», на этот раз – связанная с дракой в престижном ресторане гостиницы «Националь».

В спектакле «Требуется лжец». 1963

Туда Арчил приходит с дамой. По одним сведениям – со звездой Вахтанговского театра, по другим – с популярнейшей актрисой, вышедшей затем замуж за знаменитого режиссера. К спутнице Гомиашвили начинают приставать, а какой кавказец это перенесет? В итоге из Москвы приходится спешно уезжать – при выяснении отношений один из обидчиков лишается глаза: «Хрен знает, кто выбил, – там такая драка была! – но показали на меня...»

И Гомиашвили уезжает в Грузию. Однако в театре имени Марджанишвили его используют в массовке, он ищет удачу в театрах Поти, Гори и, наконец, обретает ее на все той же грибоедовской сцене. Эта встреча актера и театра оказывается, как говорится, обою-

С Н.Бурмистровой в спектакле «Третье слово»

довыгодной. «В театре Грибоедова появился прибывший из Гори, благодаря хлопотам режиссера Рубина, художавый, необыкновенно пластичный молодой человек – Арчил Гомиашвили. Так же, как Луспекаев, он сразу стал ведущим актером театра. Гомиашвили был артистом истинного перевоплощения. Его роли в спектаклях «Счастливый неудачник», «Во дворе злая собака», «Требуется лжец», «Двое на качелях» – это перлы искусства. А как он этого добивался, – секрет изобретателя», – вспоминала народная артистка СССР Наталья Бурмистрова, составившая вместе с Арчилом Михайловичем блистательный актерский дуэт.

А вот, что она рассказывала

Сцена из спектакля «Двое на качелях»

более подробно: «Художественный руководитель театра имени Грибоедова Абрам Рубин однажды сказал нам: «Вот еду в Гори и привезу артиста, от которого вы ахнете!» И привез худенького человека с ничем особенно не примечательной внешностью – Арчила Гомиашвили. Был поставлен спектакль «Счастливый неудачник», в котором он играл немногословную, невыразительную роль какого-то администратора. Мы пришли на генеральную. На сцене появился невысокий, с огромным носом, лысоватый человек в коротеньких узеньких брючках, но в пиджаке с огромными подложенными плечами. Он шел по сцене игривой походкой Казановы и на редкость фальшивым голосом напевал: «Когда зажгутся фонари!..» Что и как он говорил в продолжении спектакля, не важно. Но он вызывал неудержимый хохот зрительного зала. И мы поняли: в театре появился отличный комедийный актер». Так в 1961 году Арчил Гомиашвили триумфально вернулся к грибоедовцам.

И я позволю себе воспоминания – мальчишеские. Помню, как родители радовались, что достали билеты на спектакль «Двое на качелях», обсуждали с друзьями постановку «Требуется лжец», а сам я хохотал до упаду на комедии «Во дворе злая собака». Она была из тбилисской жизни, и все в ней было так узнаваемо! А очень многие в городе начали в шутку произносить слово «хорошо» так, как это делал персонаж купавшегося в гротескной роли Гомиашвили – искаженно, нараспев, что-то вроде «Ха-га-жоо»...

Но, конечно же, гораздо веселее воспоминания автора этой пьесы Киты Буачидзе:

«Когда сегодня забытый, но в свое время талантливый режиссер Серго Челидзе взялся за постановку моей комедии «Во дворе злая собака» на сцене русского театра им. Грибоедова, Арчил Гомиашвили уже был утвержден как ведущий актер. С его участием тбилисский зритель не пропускал ни одного спектакля. После спектакля весь зал, стоя, провожал артиста со сцены с восхищением и громом аплодисментов. Да, в бытность Арчила Гомиашвили в театре театр им. Грибоедова выделялся своим художественным уровнем среди театров столицы. Высока была посещаемость.

И вот в 1963 году, в один прекрасный вечер, была показана премьера «Во дворе злая собака», которая переросла в праздник».

Действительно, в 1960-е годы достаточно было фамилии Гомиашвили появиться на афише, как зритель валом валит в театр. А афиш таких было немало, помимо уже упомянутых двух спектаклей по Отару Чиджавадзе и Ките Буачидзе – пьесы «Требуется лжец» Димитриса Псафаса, «Двое на качелях» Уильяма Гибсона, «Третье слово» Алехандро Касона, «Орфей спускается в ад» Теннесси Уильямса... Причем, Гомиашвили, поначалу зарекомендовавший себя как комический, характерный актер, блистательно играл и трагические роли. «Сенсацией стал спектакль «Двое на качелях» У.Гибсона. Какой блестящий дуэт создали Наталья Бурмистрова и Арчил Гомиашвили. Со сцены лились в зал потоки счастья и... глубокой грусти. Любовь, потеря иллюзий, утраченные грезы... Умение любить на сцене – это талант», – вспоминала журналист Нелли Узнадзе в журнале «Русский клуб» в 2008 году.

А вот отзывы других театроведов о работах Арчила Михайловича – по «свежим следам» премьер в Грибоедовском театре.

«В роли Вэла Ксавье для А.Гомиашвили была некоторая опасность самоповторения, но можно сказать, что актер во многом избежал этого. Как всегда, ярко искрит его темперамент, игра актера уверена, легка. Вэл – Гомиашвили мягкий, порой по-детски наивный, но многое перевидавший на своем веку человек, человек патриотической души, страстно влюбленный в музыку, в свою старую гитару. Вэл-Гомиашвили волнует своей искренностью, непосредственностью, но вместе с тем хотелось бы видеть в нем ту зрелость ума, мужественность и силу, которая так покоряет окружающих». Н.Шалуташвили «Мир обреченных», газета «Заря Востока», 7 июня 1962 г. (о спектакле «Орфей спускается в ад»).

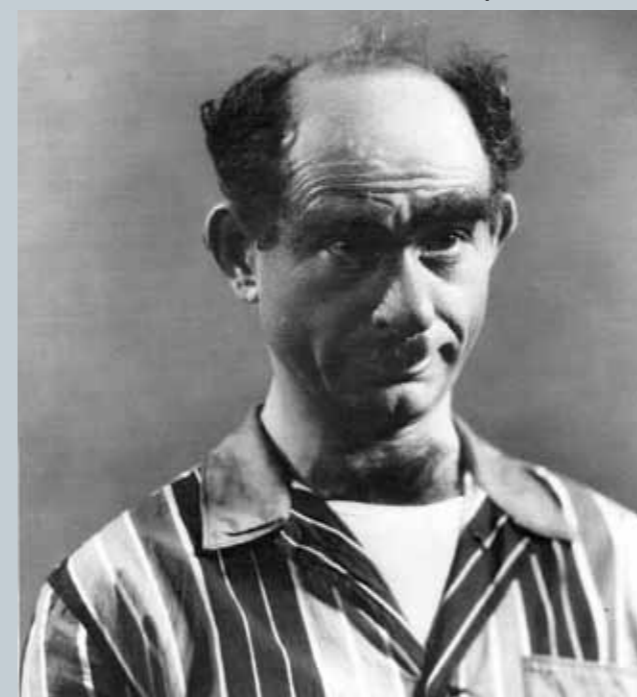
А это – газета «Вечерний Тбилиси» за 17 марта 1964 года. В статье Э.Гугушвили «В борьбе с ложью» о спектакле «Требуется лжец» читаем: «Можно было бы показать обычного изворотливого и ловкого малого, карьериста и любителя легкой наживы, прошедшего путь «от» и «до». Пожалуй, такой путь – путь простого превращения несчастенького отщепенца в уверенно расправившего свои плечи малого был бы наиболее легким и достижимым. Это был бы путь наименьшего сопротивления, по которому не мог пойти Арчил Гомиашвили, актер – приверженец сценических сложностей, далекий от примитивного и облегченного толкования даже самого легковесного.

А.Гомиашвили с первого же своего выхода берет на себя как бы «двойную» нагрузку. Да, он пришел сюда, в этот богатый, фешенебельный дом, этакий отщепенец, в коротеньких брючках и куцом пиджачишке. Да, он вымалывает прибежище, а вместе с ним и кусок хлеба, несчастный безработный. Но как далек в этот момент актер от всякой демагогии. Как остер его рыщущий взгляд, как, ни на минуту не «увлекается» он своим просительством, стараясь подчеркнуть, что Тодорос играет в несчастного, что, в сущности он далеко

не такой уж жалкий и робкий, напротив – решительный и наглый, все время ощущающий свою уверенность и силу. Уже здесь, в этой первой (а может быть и самой лучшей сцене в спектакле) утверждает Гомиашвили невероятную изворотливость своего героя, его почти неправдоподобную предприимчивость, выразившуюся в таких нарочито острых сценических ракурсах, которые в общем комплексе создают необычайно впечатляющий, эксцентричный, смелый до дерзости, яркий по способу воплощения сценический образ. Здесь и сальто-мортале на перилах лестницы, и легкие, непринужденные апарты в зал и, наконец, совершенно невероятная по внешней форме и необычайно точная по широте сцена вымаливания лжи, когда с протянутой в руке шляпой, подпрыгивая и приплясывая, Тодорос-Гомиашвили ждет, что ложь вдруг снизойдет к нему свыше и выручит его в самый критический момент. Он ждет ее, как милостыню, как подавание, как высшее благо. И когда в финале, стоя спиной к зрителям в какой-то вычурно-изворотливой позе, он истерически хохочет, одержав еще одну существенную победу на поприще лжи, становится очевидным, что эта тщательно отобранная актером деталь венчает не только его блестящее исполнение, но и является своеобразной кульминацией мысли драматурга и режиссера».

«Артист А.Гомиашвили в роли Пабло увлекает зрителя правдивостью и безыскусственностью своего исполнения, Он глубоко вжился в образ своего героя. Каждое его движение, интонация, взгляд искренни, органичны. Хорошо продуманный пластический рисунок роли, стремление дать образ в развитии, показать душевные движения своего героя – все это увлекает зрителя не только мастерством, но и эмоциональностью, верностью чувствований. Тут же хочется заметить, что местами актеру трудно сдерживать себя, он теряет чувство меры, начинает чуть-чуть переигрывать, и тем самым вносит диссонанс в очень интересный,

В спектакле «Во дворе злая собака»

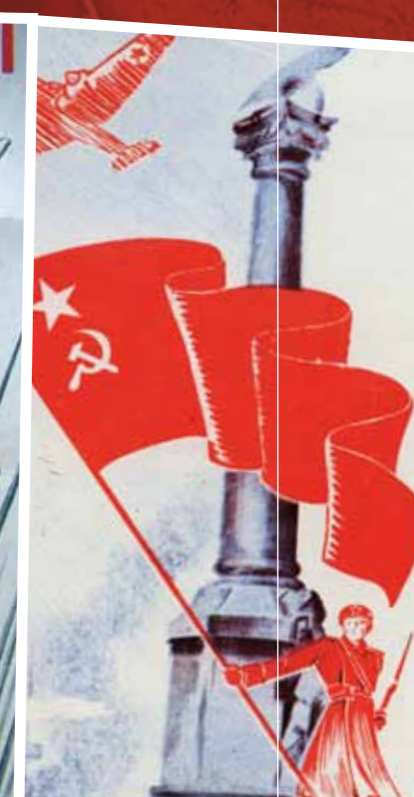
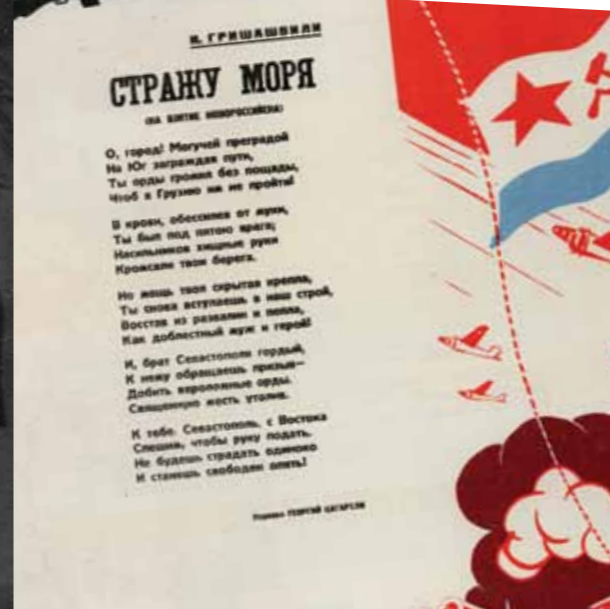
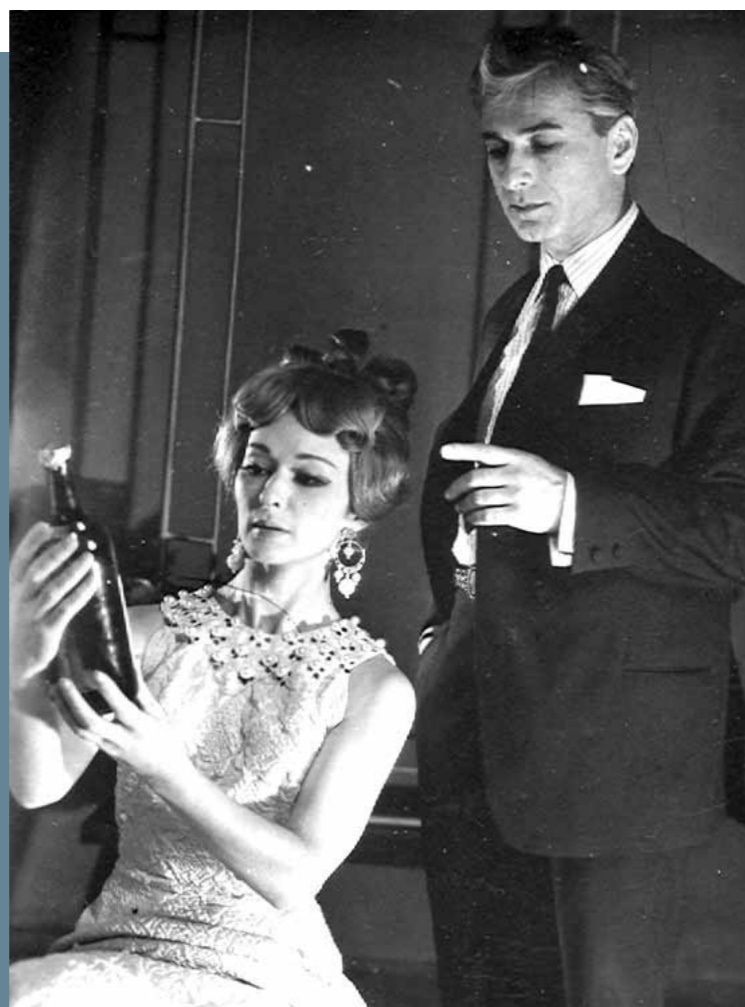
увидел Гайдай...

Знаете, что он говорил про себя? «Когда мне было 16 лет, я ехал в поезде и ночью мне приснился сон: я увидел всю свою судьбу, все, что дальше со мной произойдет, – в подробностях и со всеми деталями. Я следовал этой программе всю жизнь. Я знал: через год добыю одного, через два года – другого. Но, зная последующее, я ускорял события. Я выкладывался полностью: я много любил, я был неуемный, я никогда не уставал».

Что ж, в этой программе Тбилиси явно было уделено большое место. Прославивший его тбилисский театр и город на берегу Куры навсегда остались в сердце актера:

«Всегда с теплом вспоминаю мой любимый Грибоедовский театр. Если говорить всерьез, это лучший период в моей творческой жизни. Я часто вспоминаю прекрасный город, нашу шумную Куру и такого же шумного, темпераментного зрителя, мгновенно откликающегося на любой нюанс, на каждое движение души... Работая для такого зрителя, артист испытывает наслаждение и особый подъем. Рассказывая о годах, проведенных в тбилисском театре имени Грибоедова, я всегда испытываю самые теплые чувства и огромную благодарность».

Сцены из спектакля «Варшавская мелодия». Н.Килосанидзе и А.Гомиашвили

ПЛАКАТЫ ХУДОЖНИКОВ ГРУЗИИ, ИЗДАННЫЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

эмоционально-насыщенный художественный образ». Н.Шалуташвили «Новая встреча с драматургом», газета «Заря Востока» за 12 октября 1961 года (о спектакле «Третье слово»).

Универсальный талант актера, так ярко проявившийся на грибоедовской сцене, не может не привлечь и кинорежиссеров. Совмещая работу в театре со съемками, Гомиашвили играет в фильмах «Крот», «Четверо в одной шкуре», «Простите, вас ожидает смерть», «Взрыв после полуночи» и, конечно, во второй части трилогии о революционере Камо – «Чрезвычайное поручение». «Конечно же» – потому, что его дебютом в кино была роль именно в первой части – «Лично известен». Но с особым удовольствием он играл в комедии «Иные нынче времена» Михаила Чиаурели, которого, как и Георгия Товстоногова, считал «образцом человека и режиссера».

В конце 1960-х Гомиашвили уезжает из Грузии. Навстречу звездной кинокари – роли Остапа Бендера в фильме Леонида Гайдая «12 стульев». Образ великого комбинатора для него не нов. Еще в 1958 году он играл в мюзикле самого Юрия Любимова «Похождения Остапа Бендера» по «Золотому теленку». А уйдя из Грибоедовского театра, он подписывает договор с Министерством культуры Грузии и отправляется на гастроли по Советскому Союзу, преуспевая в спектакле одного актера. Гомиашвили играет в нем и Бендера, и Балаганова, и Паниковского, и Фунта, и Козлевича, и... Зосю Синицкую. Во время одного из представлений – в Горьком – его и

Грибоедовцы в период *Великой Отечественной*

К 170-летию русского театра в Грузии

■ Страницы истории театра просматривала

Инна БЕЗИРГАНОВА

С первых же дней Великой Отечественной войны вся творческая и организационная работа театра была перестроена. Как отмечал тогдашний директор и художественный руководитель театра Константин Ясонович Шах-Азизов на страницах газеты «Заря Востока», подводя итоги десятилетнего пути театра имени А.С. Грибоедова, «в свои выходные дни театр дал ряд спектаклей в фонд обороны, в фонд постройки танковой колонны и эскадрильи «Советская Грузия», внося около 400 000 рублей. Коллектив театра оказывает помощь семьям фронтовиков, работавших ранее в театре имени Грибоедова». Только за два года войны театр дал 26 спектаклей и больше 300 концертов для Красной армии, Военно-Морского флота, войск НКВД, для раненых бойцов в госпиталях. Многие грибоедовцы воевали на фронте и, конечно, среди них были и погибшие...

Екатерина Сатина вспоминает: «В начале зимы 1943-44 годов театр Грибоедова отметил скромным, почти семейным торжеством свое десятилетие. К.Я. Шах-Азизов в своем докладе рассказал, каким было начало театра, как он развивался и креп. Пришедшие к нам в тот вечер дорогие гости — актеры других грузинских театров — побаловали нас своими

прекрасными концертными выступлениями. В связи с десятилетием театра ряду творческих работников были присвоены почетные звания. Художница Ирина Штенберг и режиссер Георгий Товстоногов получили звания заслуженных деятелей искусств Грузинской ССР».

С военным периодом в истории Грибоедовского театра связаны первые режиссерские опыты Георгия Александровича Товстоногова.

За семь лет он поставил на грибоедовской сцене тринадцать спектаклей, из них восемь — «Полководец Суворов» И.Бехтерева и А.Разумовского, «Парень из нашего города» К.Симонова, «Школа злословия» Р.Шеридана, «Собака на сене» Лопе де Вега, «Ночь ошибок» О.Гольдсмита, «Бешеные деньги» А.Островского, «Ленушка» Л.Леонова, «Офицер флота» А.Крона — именно в годы войны.

Георгий Александрович высоко оценивал возможности тогдашней труппы театра Грибоедова, работать с которой для режиссера было, по его словам, «одно удовольствие». Среди тех, с кем довелось Товстоногову встретиться в творческом процессе, были выдающиеся артисты: Екатерина Сатина, Владимир Брагин, Константин Мюфке, Людмила

Врублевская, Варвара Алексеева-Месхиева, Елена Ковальская, Иван Бодров, Анатолий Смиранин, Константин Добжинский, Александр Загорский, Надежда Сперанская, Юрий Алексеев-Месхиев, Константин Гарин, Борис Вяземский.

Позднее Г.А. Товстоногов вспоминал о работе с актрисой Варварой Алексеевой-Месхиевой, о чем пишет Д.Г. Подовжний в своей курсовой работе «Учение К.С. Станиславского о сверхзадаче и сквозном действии»: «На творческом вечере в концертной студии «Останкино» Товстоногов затронул любопытную тему касательно поиска сверхзадачи режиссером при постановке произведения. Была упомянута история, когда во время войны Товстоногов ставил «Собаку на сене» в Тбилисском русском драматическом театре имени А.С. Грибоедова. Товстоногов с теплотой и признанием рассказал про выдающуюся актрису своего времени Варвару Алексееву-Месхиеву, которая должна была играть Диану. На первой репетиции Алексеева-Месхиева поразила его тем, что чувственно выразила словами ту историю, которую они должны были играть. Товстоногов утверждает — к сверхзадаче произведения, которая представляется режиссеру умозрительно, необходимо прикоснуться чувственно».

Как рассказывает ученица Товстоногова Натела Лордкипанидзе, в роли Дианы Варвара Алексеева-Месхиева превзошла саму Марию Бабанову.

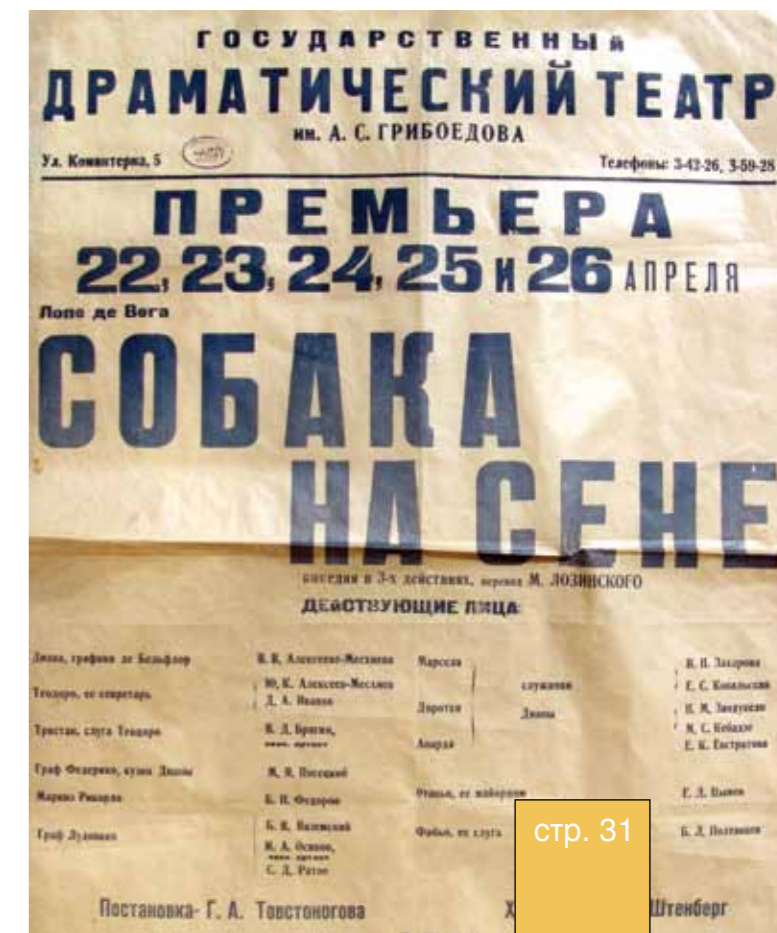
Тбилисский период, период режиссерского становления Товстоногова, совпал с Великой Отечественной войной. Поэтому и репертуар был соответствующий — патриотический. Так в 1942 году, когда театр имени А.С. Грибоедова отмечал десятилетие со дня своего основания как государственного, были выпущены спектакли «Русские люди» К.Симонова в постановке Абрама Рубина, «Фельдмаршал Кутузов» В.Соловьева в постановке Арсения Ридалья. По мнению Ю.Георгиева (автор отклика на спектакль «Фельдмаршал Кутузов», опубликованного на страницах «Зари Востока»), зритель, глядя на героев славного исторического прошлого страны, «невольно обращается мыслью к героическим боям, которые ведет Красная армия против гитлеровских захватчиков, вторгшихся на священную землю нашей великой Родины... В старом фельдмаршале, достойном ученике и сподвижнике великого Суворова, как бы концентрируется грозная сила народа, поднимающегося с дубиной на обнаглевшего врага. С трудным, но благодарным сценическим образом Кутузова отлично справился И.Бодров. Артист играет эту сложную центральную роль с подлинным творческим подъемом. В образе Кутузова и острая характерность, и чуть лукавая народная простота, под которой скрываются острый ум и железная хватка убежденного седиными опытного в боях полководца».

А Георгий Товстоногов выпустил спектакль «Ленушка» по пьесе Л.Леонова. Как отмечает Е.Шапатава в книге «Тбилисский государственный театр русской драмы имени А.С. Грибоедова», «спектакль «Ленушка» явился превосходной демонстрацией творческих сил театра, его готовности браться за решение труднейших задач. В работе над сложным материалом пьесы с особой силой проявился своеобразный талант А.Смиранина, мастерство И.Бодрова, Н.Сперанской, для которой образ Ленушки явился итогом большого творческого роста». Патриотические чувства пробуждал и образ

Суворова в одноименном спектакле Георгия Товстоногова (полководца сыграл Б.Вяземский), и симоновский «парень из нашего города» Луконин — в этой роли выступил И.Бодров.

Уже тогда критики отмечали присущее молодому Товстоногову острое ощущение времени. «Спектакль (речь идет о спектакле «Парень из нашего города») поставлен со вкусом, с хорошим чувством боевой, политической злободневности. Смотришь спектакль и знаешь: Сергей Луконин сейчас героически бьется с озверелым врагом... Это доверенная пьеса. По главным признакам: Константин Симонов написал ее в прошлом году, а события, развертывающиеся в ней, происходят в 1932-39 гг. Но это только формальные данные о пьесе. На самом же деле вся она звучит сейчас, в дни Великой Отечественной войны, чрезвычайно злободневно, многое в ней непосредственно переключается с героикой последних месяцев».

Вслед за Георгием Товстоноговым к драматургии Константина Симонова обратился Абрам Рубин — пьеса называлась «Русские люди». Однако рецензент, оценивающий спектакль на страницах «Зари Востока», в адрес постановки высказался критически: «В короткий срок постановщику заслуженному деятелю искусств А.Рубину удалось создать спектакль четкий и стройный. Удачно и художественное оформление Б.Локтина. Особенно хороши вторые планы, дающие очень живую зримую картину города-фронта. Но было бы неверно сказать, что спектакль, в целом хороший и сильный, оказался на уровне талантливой пьесы Симонова: возможности пьесы гораздо шире, мир чувств ее героев гораздо глубже... Жаль, что театр не почувствовал преемственной связи «Русских людей» с предыдущей пьесой Симонова «Парень из нашего города». Сергей Луконин, герой «Парня из нашего города», появляется и в «Русских людях» уже как генерал Луконин (бывший автоводитель, служивший в части у Луконина, капитан Сафонов говорит о нем: «Этот

ТЕАТР ИМЕНИ А.С. ГРИБОЕДОВА

ПРЕМЬЕРА
23, 24, 26, 27 и 28 ноября 1943 г.
СПЕКТАКЛЬ ПОСВЯЩАЕТСЯ
X-летию со дня основания театра (1933-1943 г.г.)

Леонид, лауреат Сталинской премии

ЛЁНУШКА

Народный трагедия в 4-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Полковник, Сергей Васильевич, трагический герой — В. Д. БРАГИН	Трофей, Павел Александрович, лейтенант, герой войны — А. Д. СМОЛЧУКОВ	М. И. ИВАНОВА
Доктор, Михаил Петрович, герой войны — А. Д. СМОЛЧУКОВ	Женщина в черном — К. С. ЗАБЕЛОВА	Р. С. ЗАБЕЛОВА
Доктор, Сергей Петрович — А. Д. СМОЛЧУКОВ	Трофей — И. М. ВЕКСТРАУБА	Т. П. МОСКВИНА
Полковник — К. С. ЗАБЕЛОВА	Трофей, его жена — А. Г. ЛАДОВСКАЯ	Д. Н. МЕУНИ
Полковник — В. Ф. ШЕЛКОВА	Женщина в рубашке — А. Г. ЛАДОВСКАЯ	Д. Н. МЕУНИ
Молодой человек из деревни — К. А. ДОБРОЖИЛОВ	Сестра — А. Г. ЛАДОВСКАЯ	Д. Н. МЕУНИ
Катерина, его жена — Г. Г. ЛАДОВСКАЯ	Доктор — А. Г. ЛАДОВСКАЯ	Д. Н. МЕУНИ
Лена, ее дочь — М. С. СЕРГАНОВА	Научный сотрудник — А. Г. ЛАДОВСКАЯ	Д. Н. МЕУНИ
Доктор, Иван Степанович, герой войны — А. Д. СМОЛЧУКОВ	Сестра — А. Г. ЛАДОВСКАЯ	Д. Н. МЕУНИ
Телеграфист, Дмитрий Васильевич, герой войны — А. С. ЛЕННИКОВ	Сестра — А. Г. ЛАДОВСКАЯ	Д. Н. МЕУНИ
Суровый воин, коммунистический боец — А. С. ЛЕННИКОВ	Сестра — А. Г. ЛАДОВСКАЯ	Д. Н. МЕУНИ
Суровый воин, коммунистический боец — А. С. ЛЕННИКОВ	Сестра — А. Г. ЛАДОВСКАЯ	Д. Н. МЕУНИ

Постановка — Г. А. Товстоногов
Художник — В. Ч. Машков
Композитор — В. П. Бейер
Танцы поставлены — В. Р. Гомсхурдидзе
Художественный руководитель-засл. деят. иск. К. Я. Шах-Азизов

Начало в 7 час. 30 мин. вечера
Открыты предварительная продажа билетов и касса театра от 10 ч. 30 м. утра до 7 ч. 30 м. вечера.

кроток и мил... Обаятельна в роли леди Тизл Людмила Врублевская. Это обаяние — в некоторой угловатости жестов, в широко раскрытых наивных глазах леди Тизл, в той непосредственной свежести, которую она привезла из деревни. Только большая простота и естественность исполнения позволяют Людмиле Врублевской убедительно провести затем в финале спектакля трудную и маловероятную у Шеридана сцену раскаяния леди Тизл... Подлинно сатирическое звучание получает спектакль в сценах салона леди Снриуэлл. Е.Ковальская безусловно очень эффектная и грозная леди Снриуэлл».

В 1944 году актер и режиссер Анатолий Смирнин выпускает «Свадьбу Кречинского» А.Сухово-Кобылина, сыграв в своем спектакле заглавную роль. Критики высоко оценили как спектакль в целом, так и актерские работы, в первую очередь, самого Анатолия Смирнина, создавшего образ «с несомненным налетом своеобразной артистичности». «Это не просто «соблазнитель», а человек, подготовляющий сомнительную махинацию с женьшеньбой «на миллионе», с отличным чутьем ситуации, с учетом психологии «действующих лиц».

А вскоре Абрам Рубин ставит «Последнюю жертву» Островского, в которой во всем блеске своего таланта выступила Варвара Алексеева-Месхиева. Восторженно написал об этом спектакле Абрама Рубина и работе актрисы известный грузинский критик Бесо Жгенти («Заря Востока»):

«Театр имени А.С. Грибоедова создал спектакль большой познавательной и эстетической силы, заслуженно пользующийся огромным успехом у зрителя. Этот успех в большой мере обусловлен замечатель-

«Фельдмаршал Кутузов». Наполеон — В.Брагин

ной игрой В.В. Алексеевой-Месхиевой, исполняющей центральную роль пьесы — Юлии Павловны Тугиной. В этой роли актриса во всей полноте показала свое актерское дарование, богатство, тонкость и яркость средств сценического выражения мысли, умение глубоко проникнуть в природу роли, разработать ее до последних деталей... С первого же появления на сцене Варвара Алексеева-Месхиева рисует выразительный драматический образ, пронизанный глубокой печалью, предчувствием обреченности. Юлия самоотверженно борется за свои права на счастье и любовь. Она идет на всякие жертвы, проявляя исключительную силу воли в преодолении препятствий. Когда Юлия узнает, что она жестоко обманута и оскорблена, В.В. Месхиева с предельной остротой передает состояние до глубины потрясенной, разочарованной души. Здесь артистка достигает высшего предела драматического напряжения в своей игре. Ее слова «ограблена и убита. Я нищая, обиженная совсем... За что же они еще смеются надо мной?» — звучат как вопль негодующей души, проклинающей суровое и мрачное окружение своего времени».

Варвара Алексеева-Месхиева создавала необычный образ Тугиной — вразрез с традицией исполнения этой роли. Это была не «пышная красавица купчиха, а маленькая, хрупкая, обаятельная женщина с немного наивными мечтами о чистой и бескорыстной любви, сердце которой безжалостно разбивают», — пишет в своих воспоминаниях актриса Екатерина Сатина.

В том же году актер и режиссер Владимир Брагин неожиданно обратился к светской английской комедии второй половины XIX века «Опасный возраст» А.У. Пинеро. Измученные войной зрители (как и сами грибоедовцы), чувствовали необходимость в чем-то более легком и отвлеченном и с удовольствием окунались в быт викторианской Англии с ее домашним укладом и светскими условностями, с ее спортом и клубами, с ее политикой нравов и судом. «Перед нами обстановка, в которой жило старшее поколение Форсайтов в рома-

генерал дойдет до нас. У него характер такой, непременно дойдет»). Зритель театра имени Грибоедова не забыл Луконина и поэтому в новом спектакле замечательного командира, ставшего генералом, должен был, нам кажется, играть тот, кто играл его в «Парне из нашего города». Автор материала имеет в виду Ивана Бодрова.

В годы войны режиссеры, в том числе Георгий Товстоногов, проявляли интерес не только к современному или историческому литературному материалу, но и к классической русской и западноевропейской драматургии. Потребность в вечном вполне объяснима: классика давала людям веру в то, что страшные испытания военного времени останутся в прошлом, что рано или поздно жизнь наладится и войдет в привычную, мирную колею.

Большим успехом у публики пользовался спектакль «Школа злословия» Р.Шеридана. «Режиссер Георгий Товстоногов создал спектакль в высшей степени интересный, ценный еще и тем, что он показал творческий рост ряда одаренных актеров театра имени Грибоедова. Необходимую красочность спектаклю придала и художница Ирина Штенберг».

В спектакле блистал Борис Вяземский и Людмила Врублевская. «В центре спектакля оказался Борис Вяземский, исполняющий роль сэра Питера Тизл. Зритель, в сущности, открыл для себя совершенно нового актера, очень приятного, мягкого и ровного в своей исполнительской манере. Борис Вяземский искусно обошел опасность шаржа. Его сэр Питер ворчлив, но

Сочинский Государственный театр

ГАСТРОЛИ
ТБИЛИССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО
РУССКОГО ТЕАТРА
ИМ. А. О. ГРИБОЕДСВА
ЛЕТО 1943 ГОДА

РЕПЕРТУАР:
ФЕЛЬДМАРШАЛ КУТУЗОВ
ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА
ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ
ИНЖЕНЕР СЕРГЕЕВ
ВАРВАРЫ
БЕШЕНЫЕ ДЕНЬГИ
СОБАКА НА СЕНЕ
ШКОЛА ЗЛОСЛОВИЯ
НОЧЬ ОШИБОК

СОСТАВ ТЕАТРА:

Рубин А. Г.	Рубин А. М.	Товстоногов Г. А.
Назов В. Ч.	Лоптев В. В.	Шенберг И. В.
Бейер В. П.	Александров А. Я.	Рубин Г. М.
Августов А. М.	Кубарев С. П.	Сербица Я. А.

Директор-художественный руководитель, заслуженный деятель искусств Груз. ССР Шах-Азизов К. Я.
Зам. директора-Шенберг Ф. И.
Танец, администратор-Гомсхурдидзе Г. С.

ОТКРЫТИЕ СЕЗОНА 25-26 мая 1943 года Вечера РОКК **ИНЖЕНЕР СЕРГЕЕВ**

Начало спектаклей в 7 часов вечера

не английского писателя Голсуорси — время между Диккенсом и Уайльдсом. Артисты играют слаженно, в согласии с режиссерским замыслом. Не осложняют пьесы, не углубляют ее, использовать забавные ситуации, подавать смешные реплики. Перед нами не страсти, а забавы, не горе, а неприятности, не трагедия, а почти буффонада. Следует отметить, прежде всего, В.Брагина в роли Поскета. Артист показывает веселого, честного добряка, которого все успешно обманывают», — пишет рецензент газеты «Заря Востока».

В 1944-м была организована выставка, посвященная участию театра в Великой Отечественной. Документами, фактами, цифрами она повествовала о большой работе, проведенной театром за три года войны, о помощи, оказываемой коллективом театра фронту и стране. За этот период было выпущено девятнадцать новых постановок. Наибольший успех выпал на долю пьесы «Инженер Сергеев» Всеволода Рокка. Она шла 125 раз, ее посмотрели 73 744 зрителя. «Полководец Суворов» за три года показали 66 раз, «Фельдмаршал Кутузов» — 45 раз.

В дни войны театр перешел на бездотационную работу, чтобы освободить бюджетные средства для нужд войны.

Победа ковалась не только на фронтах, заводах и фабриках, но и на сценических площадках, в театральных и концертных залах.

ТЕАТР ИМЕНИ А.С. ГРИБОЕДОВА

УТРО
21
Января 1945 г.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ УТРО,
посвященное 150-летию со дня рождения
Александра Сергеевича ГРИБОЕДОВА

1795 **1945**

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО А.С. ГРИБОЕДОВА
Доклад — Бесо ЖГЕНТИ

II
ГОРЕ ОТ УМА
2-ой АКТ
в исполнении артистов театра им. Грибоедова

III
КОНЦЕРТ
при участии артистов театра ордена ЛЕНИНА оперы и балета
им. З. Палиашвили, театров им. Мджиджишвили и им. Грибоедова.
Начало в 11 час. 30 мин. утра

ЮБИЛЕЙНЫЙ МАРАФОН ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В преддверии своего 170-летия Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова продолжает триумфальный гастрольный марафон – Москва, Стамбул, Черкассы, Ереван, Баку, Махачкала... И вот – Саранск и Санкт-Петербург.

Грибоедовцы в Саранске

■ Соб. инф.

С 29 марта по 5 апреля в столице Мордовии Саранске прошел юбилейный X Международный фестиваль «Соотечественники-2015». За восемь фестивальных вечеров были показаны 9 спектаклей восьми театральных коллективов из пяти стран. Зрители увидели лирические комедии «Любовь и голуби» и «Отель двух миров», музыкально-хореографические спектакли «Мцыри» и «Честь имею!», спектакль «Нерон и Сенека» по пьесе Э.Радзинского. Фестиваль закрылся постановкой московского драмтеатра «Модернь» «Петля» по пьесе Р.Ибрагимбекова, а вот честь открытия была представлена театру им. А.С. Грибоедова, который показал свой знаменитый спектакль «Холстомер. История лошади» по повести Л.Н. Толстого в постановке художественного руководителя Автандила Варсимашвили. И эту миссию грибоедовцы выполнили блестяще.

А с 6 по 12 апреля в Санкт-Петербурге состоялся XVII Между-

народный театральный фестиваль стран СНГ и Балтии «Встречи в России». В афишу фестиваля были включены постановки десяти русскоязычных театров по произведениям русской и зарубежной классики, объединенные общей темой – надежда на лучшее, любовь, стремление к единению. Тбилисский театр имени Грибоедова представил спектакль главного режиссера театра Георгия Маргвелашвили «Старший сын» по пьесе Александра Вампилова.

В ознаменование 70-летия Великой Победы в рамках фестиваля была развернута выставка фотографий из спектаклей, посвященных теме Великой Отечественной войны, поставленных в театрах-участниках фестиваля в разные годы. Заметный раздел выставки представляли фото из постановок Грибоедовского театра – «Перебежчик» (реж. – Мавр Пясецкий), 1963; «Барабанщица» (реж. – Анатолий Випман), 1959; «Дневник Анны Франк» (реж. – Медея Кучухидзе), 1964; «Молодая

гвардия» (реж. – Александр Товстоногов), 1975; «Гетто» (реж. – Автандил Варсимашвили), 2010 и др.

В ходе фестиваля прошли традиционные обсуждения, где создатели спектаклей встретились с ведущими критиками России и стран ближнего зарубежья. Обсудили и «Старшего сына». Пожалуй, это был единственный спектакль на фестивале, который вызвал ожесточенные споры, страстное столкновение полярных оценок – от неприятия до восторга. «Это новое понимание Вампилова!» – уверяли сторонники. «Это не Вампилов!» – доказывали противники. Как будто где-то хранится железная инструкция, скрепленная каноническими печатями о том, как надо ставить Вампилова...

Думается, искусство – всегда вещь спорная. И чем произведение интереснее, неоднозначнее, тем более живые дискуссии оно вызывает.

Факт остается фактом – спектакль прошел при полном аншлаге, с большим успехом, вызвав долгие благодарные овации. Обозреватель

Галина Супрунович написала: «Несмотря на то, что пьеса Вампилова считается комедией, трагического в ней не меньше, чем комического. Тбилисский театр, конечно, русскоязычный, но некоторый грузинский колорит в игре актеров все-таки присутствует. Семейные сцены, даже нарочито сдержанные, получаются живее, диалоги ярче... Трагическая часть получилась более выразительной, а Сарафанов в исполнении Валерия Харютченко – трогательным, вызывающим бурю смешанных чувств... Два часа в зрительном зале проходят совершенно незаметно, спектакль смотрится на одном дыхании, вызывая исключительно положительные эмоции».

Впрочем, обратимся к участнику и очевидцу. Главные роли в спектаклях «Холстомер» и «Старший сын» исполняет Валерий Харютченко. Его-то «Русский клуб» и попросил поделиться своими впечатлениями.

– Валерий Дмитриевич, вы в Саранске были не впервые?

– Да, пять лет назад мы показывали «Кроткую» Достоевского в постановке Автандила Варсимашвили. И сейчас нас встретили, как старых знакомых. Первые слова, которые нам сказали в Саранске, встречая в аэропорту: «Мы до сих пор помним ваш спектакль». Это было очень приятно... Вообще, нынешний наш приезд был праздничным, потрясающим.

Сцена из спектакля «Холстомер. История лошади»

– Мы видели записи оваций после «Холстомера». Впечатляет.

– Вы знаете, где бы мы ни показывали нашего «Холстомера», он имеет успех и воспринимается прекрасно. Беспроектный спектакль. Главное, что атмосфера всего спектакля и атмосфера в зале всегда совпадают. Помню, когда мы были с «Холстомером» в Санкт-Петербурге (об этом не раз рассказывали), то в зале стояла такая тишина, что за кулисами многие спрашивали – есть ли зрители? А был аншлаг. Так же было и в Саранске – очень тонкая реакция публики и радушный, теплый прием.

– А как прошло выступление в Санкт-Петербурге?

– Замечательно. К большому сожалению, не было возможности заснять, как нас принимали... Зрители реагировали и на юмор, и на лирические ноты, и на драматическую составляющую спектакля. По окончании многие заходили за кулисы со словами благодарности – и зрители, и критики, и коллеги-актеры из других стран. Одна театралка даже сказала, что «в столицах» (я, конечно, должен был возразить, что Тбилиси – тоже столица) такого воздействия не бывает – по проникновенности, душевности, энергетическому человеческому посылу... Я понимаю, что она имела в виду. Видимо, речь о том, что авангардными или псевдоавангардными ходами и приемами убивается полноценное актерское существование на сцене. Когда ставятся концептуальные вещи, в схемах исчезает живой артист. Меня лично это очень волнует, потому что по сути своей я концептуалист.

– А вы сами профессионально довольны, как был сыгран спектакль?

– Да. Удачный был спектакль. Сыграли с большим воодушевлением. Хотя и в непривычном пространстве. Вообще все актеры очень любят этот спектакль, дорожат им. И прием был замечательный. Кстати, нам повезло и с культурной программой. Как всегда, Николай Свентицкий организовал очень интересные экскурсии. В этом ему помогли Грузинское землячество в Петербурге и лично его председатель Бадри Какабадзе, за что мы им очень благодарны. Мы побывали в Русском музее, а еще, представьте себе, в Музее воды, точнее – в музейном комплексе «Вселенная воды». Чудесная была экскурсия!

– В чем вы видите реальное значение театральных фестивалей?

– Самое главное, что это живая возможность увидеть спектакли коллег из многих стран. Кстати, театр имени Грибоедова очень котируется на международных фестивалях, и мы всегда – в числе лидеров. Грибоедовский – бренд по определению. И мы не только не сдаем своих позиций, но и постоянно поднимаем планку. А что касается критиков... Все они люди, ничто человеческое им не чуждо, и все они, конечно, субъективны, со своими симпатиями и антипатиями. Но есть какие-то вещи, которые встают над субъективностью и пристрастиями. И мы не теряемся, каждый раз укрепляем свои позиции.

Мечты должны сбываться!

■ Елена КРЫНЖИНА

1 сентября 2014 года. Площадь «Пять углов», Мурманск. Традиционный, четвертый по счету праздник «День сладкоежки», который Детская театральная школа проводит совместно с компанией ООО «Мурманский хладокомбинат».

Конкурсы, концерт, площадь полна народу, так как в один день мы умудрились вместить два праздника – и «День знаний», и уже полюбившийся юным мурманчанам День сладкоежки. Главное лакомство – мороженое! И это оправданно, праздник проходит не где-то в южных краях, а в Заполярье, где мороженое любимое круглогодичное лакомство.

После праздника, проводя «разбор полетов», на совместном чаепитии с акционерами группы компаний «Мурманский хладокомбинат», сказала: «Хочу поехать со спектаклем в Грузию!» Сказала бы я это, если бы акционерами были не Бадри Давидович Какабадзе, Вадим Владимирович Мамыкин, Григорий Гариевич Кипиани, а белорусы, литовцы, узбеки? Не знаю... Очень сомневаюсь. Всегда считала, что Лорку лучше всего поймут на родине – в Испании и... в Грузии. Наши вежливые, порядочные друзья поддержали мою речь, где был богатый эмоциональный окрас, переключились на другие темы. Коллега, сидевший рядом сказал: «Ну что, Крынжина, готовься поехать в Грузию!»

– С чего это вы взяли, я уже пожалела, что ляпнула!
– А с того, что грузинам просто так ничего говорить

нельзя, это люди слова и действия!

Прошло некоторое время. Круговерть дел и забот, праздник на празднике, спектакль на спектакле и вдруг звонок от Г.Г. Кипиани (ООО «Мир мороженого»): «Готовьте список участников в поездку, определяйтесь со сроками и площадкой!» Первые два пункта совершенно простые, так как очевидны, а вот площадка...

Когда мы поверили в реальную возможность поездки? Тогда, когда Бадри Давидович Какабадзе, сообщил нам о том, что мы можем вести переговоры о показе нашего спектакля с Н.Н. Свентициком – директором Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова. Тогда, когда призрачная реальность начала обретать конкретные черты.

Можно только предположить, что подумал Николай Николаевич о нашей самонадеянности (какая-то ДТШ на профессиональную сцену!), но мы рискнули.

Несколько месяцев переписки – уточнений-пожеланий и вот дата отъезда все ближе и ближе.

Улетали из заснеженного метелью Мурманска ранним утром 25 марта. В 14 часов аэропорт Минводы встретил плюсовой температурой и зеленой травой. Подошел автобус с декорациями (наши друзья-меченаты позаботились об отправке и получении груза) и мы поехали в Тбилиси.

Знаковые указатели на дороге – Георгиевск, Бес-

лан, Буденновск, Грозный. Все, о чем за последние десятилетия сообщали новостные передачи – тут, рядом. Нас отделяло от них несколько сотен, а порой и десятков километров. С гордостью наши друзья комментировали горную дорогу.

– Тут Лермонтов вдохновился на это, тут Пушкин написал то...

Что описывать горы – это бессмысленно! «Лучше гор могут быть только горы!»

Находим параллели в маршруте Мурманск – Санкт-Петербург (через наши горные массивы – Хибин) и в ландшафте дороги Минводы – Тбилиси.

Не останавливаемся, боимся пропустить алощадь заката, хочется побольше увидеть при дневном свете. Сердце замирает, когда водитель Эрик (Шумахер – жалкий щенок по сравнению с ним) умудряется втиснуть нас, наш автобус в узкую ленту горной дороги. Но все равно – смотрим вокруг, запоминаем. Подъезжаем к Казбеги. До Тбилиси около 150 км.

Поздний вечер. Кафе. Вроде бы холодно, но сыты впечатлениями. Наш лоцман, Григорий Кипиани, заказывает ужин. Идеальное начало застолья – кувшин с ледяной горной водой и горячий лаваш. Овощи с орехами, сыр ломтиками, хачапури. Все идет на коду в застолье. Вставать из-за столов не хочется – хозяин кафе мечет на стол тарелки, лопочет. Встаем и усилием воли идем в автобус.

Самые длинные – последние сто километров. Тянутся и тянутся. Впереди огни – маяки ночного Тбилиси. Широкие проспекты неожиданно сужаются и автобус вновь начинает лавировать, и уже не по горной дороге, а между старыми домами по узким улицам.

памяти Высоцкого. Оказывается, можно так петь его песни, не опояля дурной хрипотцой. Дань памяти Актера, Поэта, Певца – отдана достойно и высокохудожественно.

Поражает объем издательской деятельности, которую сумел организовать «Русский клуб» – это и альбомы с фотографиями и репродукциями картин, музыкальные диски, художественная литература и публикации. Особенно хочется отметить книги для детей – сделанные с любовью, грамотно с педагогической точки зрения, развивающие, обучающие, воспитывающие! Они одинаково интересны и русскоязычным детям и маленьким грузинам.

Только сейчас, понимаешь, обобщая увиденное, какую важную, нужную, полезную работу проводит «Русский клуб» во главе со своим президентом Н.Н. Свентициком.

После приема у Николая Николаевича спускаюсь к своим актрисам. На сцене идет полным ходом монтаж декораций. Спектакль называется «Женщины без мужчин». Вот и все». А на сцене – человек 25 только мужчин.

Захожу в гримерки – кутерьма подготовки к репетиции не может заглушить эмоций. Цветы на каждом столике и трогательные записки «грибоедовцев» (мы их взяли с собой, сохранили): «...уверены, что никто и ничто не омрачит ваше пребывание здесь, дорогие мурманчане!» Вот так!

Монтировочная репетиция прерывается эффектным появлением Н.Н. Свентицкого, который дает тысячу распоряжений одновременно, подсаживается ко мне: «У вас же Испания в спектакле? Готические окна,

Сцены из спектакля «Женщины без мужчин»

Вот наш временный дом на эту неделю – «Ната-отель». Хорошие, уютные номера, заботливый, ненавязчивый сервис. Утром – завтрак в кафе с радушной хозяйкой и персоналом. Потом едем в театр имени Грибоедова.

Идем к служебному входу. Встречают радушно женщины, мужчины. Делимся на группы – актеры и рабочие сцены идут к гримеркам. А мы с директором школы С.Асташенковой и заместителем Главы администрации г. Мурманска Л.Левченко – к директору театра Николаю Николаевичу Свентицкому.

Несколько минут напряжения (с нашей стороны) разрушены массой информации о концепции «Русского клуба», тех фантастических объемах работы, которую проводит Николай Николаевич и его сотрудники.

Смотрим видео. Его так много (по разным творческим случаям), что смотрим фрагментарно. Вечер

значит, свет должен падать так и здесь! Вы что, полоник (имеется в виду тканное покрытие сцены) снимать будете? Вы что и мочить его будете? Это же театр! Какая вода на сцене?! Видя что не согласна, не пытается убеждать, убегает (явно с богатым внутренним монологом), но через несколько минут дает теплое и сердечное интервью каналу Тв-21 (Мурманск) на фоне нашей монтировки. Извиняется, что не может быть на спектакле, т.к. у него встреча с премьер-министром Грузии и ночью вылет на театральный фестиваль в Саранск (Мордовия).

Все «прошли по точкам». Сцена не принимала – занозили руки, ноги. Все ближе и ближе 19 часов. Зал полон. Не все сняли верхнюю одежду. Так принято, говорят. Администраторы советуют задержать спектакль минут на десять.

В 19.15 начали. 10 минут жуткого напряжения, просто

какой-то внутренний батл сцены и зала. И когда совсем неожиданно для меня, как режиссера и, как выяснилось, для актрис, прозвучали аплодисменты – «лед тронулся!»! Аплодисменты поддерживали все то, что мы задумали, они звучали на протяжении всего спектакля. А когда в конце зал бисировал стоя и звучали крики «браво», я выйдя на поклон вместе с актрисами сказала: «Обращаясь к вам, хочу начать не просто «здравствуйте, дорогие друзья», а «здравствуйте, дорогие родственники!» Ибо ощущение, будто мы вернулись домой после долгой разлуки и нам очень рады!» Думаю и наши друзья были горды за нас – мы их не подвели. И Бадри Давидович Какабадзе, и Вадим Владимирович Мамыкин и наш, уже совсем родной, Григорий Гариевич Кипиани.

Удивило, что все подходившие зрители уточняли – правда, что мы школа, а не профессиональный театр? Это, пожалуй, заслуженная оценка нашего труда, так как уже много лет наша школа занимает нишу театра для детей и молодежи г.Мурманска.

Мы работаем на правах репертуарного театра. В репертуаре ежегодно 5-8 спектаклей для детей от трехлетнего возраста до взрослого зрителя, несмотря на то, что мы, прежде всего, учебное заведение, со своим сложным и насыщенным учебным планом (разным для трех имеющихся отделений – «Платные образовательные услуги», «Основы актерского мастерства и режиссуры», «Основы художественно-постановочной работы»). Только в 2014-2015 учебном году, ДТШ реализует 9 программ, три из которых предпрофессиональные. Потом был праздничный ужин по случаю премьеры, где каждый участник спектакля и все женщины нашей группы получили по охапке роз от друзей-меценатов.

Утро 27 марта. Экскурсия по Тбилиси, поход на рынок, где пир запахов и вкусов. Напробовались, скупили все – и сладкое, и острое, и соленое, и пряное. Сама я, с раннего детства приверженец грузинской кухни. Воспоминания детства – лайнер «Грузия», Батуми, Гагры, Цхалтубо. Каждый отпуск мы с родителями проводили на Черноморском побережье Кавказа, приезжая из далекой северной Вологды. Случайных совпадений не бывает. Целых три года, нянкой моего младшего сына была беженка-грузинка, шеф-повар одного из

крупных ресторанов Сухуми. Готовила моему малышу вместо манной каши каждый день хачапури и сациви. Не случайно, все дети зависали у лотков «сникерсов» и «марсов», а мой Ваня безошибочно выбирал на рынке специи и приправы, удивляя продавцов познаниями.

Возвращаемся после обеда в театр! Честь-то какая – отмечать Международный день театра на прославленной грибоедовской сцене!

Вновь теплый прием! Цветы, объятия, овации! Вечером, после спектакля, встреча со студийцами «Золотого крыльца», студии-спутника театра.

Официоз был нарушен лидерскими качествами наших актрис (педагогов школы). Сколько театризованных представлений они проводят с детьми и взрослыми в Мурманске, раскачивая самую тяжелую зрительскую аудиторию!

Игры, песни студийцев, наших солистов – Сергея Сачкова, Марию Позняк. Думаю, очень порадовала джазовая версия «Сулико» в исполнении Маши.

Удивительно красивая с бездонными глазами, завлит театра Нина Шадури, накрыла сладкий стол вместе со своими помощницами Нино и Аленой!

Далеко за полночь разошлись. Вот такой у нас получился Международный день театра! Со студийцами мы не расставались до отъезда!

Вечером 28 марта смотрели спектакль «Кастинг» Нико Квижинадзе, где главную роль исполняла ведущая актриса театра Грибоедова, руководитель студии «Золотое крыльцо» Ирина Квижинадзе.

Талантливая актриса в талантливой работе с классическим сюжетом! Очень тепло приняла в своей гримерке, хотя спектакль отработала на пике гипертонического криза. Актриса старой школы!!! Подтвердила истину – актрисы не уходят из театра просто так. Только, если параллельно и из жизни. Славная, добрая Ирина Владимировна с материнскими глазами!

И вот мы приходим на ее спектакль вновь, вновь по пьесе ее брата Ники «Мое милое привидение». Сказка с фатасмогорическим сюжетом, где желания автора, актеров-исполнителей, их персонажей и нас, зрителей совпало – пусть все кончится хорошо! И вот уже наши девочки идут к ребятам в гримерки, благодарят, обнимают, поздравляют! Как же это важно для них, насыть услышанным и понятым!

Накрываются столы – торты, вино, суматоха, интервью, признания в любви, клятвы и заверения в дружбе, обмен контактами и вопрос один на всех: «Когда снова увидимся?» Эх, знали бы эти юноши и девушки, сколько пришлось сделать принимающей и «посылающей» сторонам, чтобы наша встреча состоялась!

И что Николай Николаевич Свентицкий шел на риск, принимая на своей замечательной сцене коллектив театральной школы из далекого российского заполярного Мурманска! Но явно в нем победил президент «Русского клуба», который всю свою жизнь положил на сохранение порой таких тонких и хрупких связей между культурными пространствами России и Грузии. А ведь когда-то это было единое культурное пространство. Порой, мне кажется, что оно и осталось, ведь границы строят политики, в основном – в головах людей.

Вряд ли эта поездка стала бы столь светлой и одухотворенной, если бы инициаторы ее были люди бездуховные. Ведь культура и духовность в их сознании и образе жизни неразрывны.

Согласно этому и была разработана богатейшая экскурсионная программа. Это посещение знаковых для каждого христианина храмов Мцхеты и Троицы в Тбилиси.

Многие испытали, замыленное подчас, ощущение просветления, многие плакали. Было чувство, что священники в храмах не просто служат заутренню и дру-

гие службы, а находятся в храме постоянно – беседуют с людьми, благословляют, наставляют. Такой любовью светились их глаза, столько сердечных, нужных слов мы услышали, что многие говорили: «Если бы у меня в жизни встретился такой священник, то в церкви я была бы прихожанкой, а не захожанкой!»

В это трудно поверить, но нас принимал владыка Серафим, митрополит Боржомский и Бакурианский. Говорили, рассказывали о Мурманске, школе, просили благословения. Всех благословил, подарил иконки на добрую память и благополучный обратный путь! Сфотографировались вместе! Это теплое, светлое чувство от встречи с ним и другими служителями грузинских храмов, согревают душу.

Казалось, что неделя в Грузии вмещала события месячной насыщенности!

Пантеон государственных деятелей и деятелей культуры. Знакомые с детства имена – Серго Закариадзе, Верико Анджапаридзе...

Были в Кахетии на винозаводах. Купили в подарок родным и друзьями коллекционные вина и чачу. Остановились на классике жанра – «Хванчкара», «Киндзмарраули», «Цинандали».

По дороге покупали горячий лаваш (тут же пекли, при нас) и домашний сыр. Есть ли еда вкуснее? Запивали простой, горной, вкуснейшей водой.

Город любви Сигнахи. Столько любви в этой стране, что ей выделили отдельный город!

Город любви встретил густым туманом и пустотой улиц. Начали снимать на видео «Ежик в тумане-2», «Ежик в тумане-3». Еле остановились.

Забыла упомянуть, что между этими событиями – приезд и отъезд, в череде других была премьера нашей визитной карточки (спектаклю 15 лет) – «Божественной комедии» по Данте Алигьери. Почему премьера? Состав уже восьмой. Из прежних – кто актеры столичных театров, кто люди «нормальных» профессий – продавцы, учителя, врачи, механики.

Зрители все поняли и оценили. Мы были очень рады. Показываем спектакль редко, по важным случаям. Грузия – очень важный случай! Завпост «грибоедовцев» Александр написал по случаю показа «Божественной» стихи. Сказал, что лучше этого спектакля только «Снежное шоу» Полунина.

А если серьезно, все слова от «грибоедовцев» – искренние и теплые, от простых людей (работающих на земле, экскурсоводов, водителей) тема ностальгии по Советскому Союзу довольно болезненна. Разлучили? Пытались! Не получилось! Об этом мы говорили и на пресс-конференции в РИА Новости Грузии и у нас, в Мурманске.

Организаторы нашей поездки, ввиду своей природной скромности и порядочности, не понимают до конца величину их гражданского подвига – вложить деньги в вечное – дружбу, любовь, взаимопонимание. То, что нельзя потрогать, а возможно лишь ощутить!

Как же мы им благодарны – и молодежь Грузии, и молодежь России, и те, кто постарше!

Мы благодарны команде Н.Н. Свентицкого и ему лично! Не знаю отменил ли он встречу с премьер-министром или нет, но он остался(!) анонсировать наш приезд перед первым спектаклем, хотя и не планировал это делать (ночью улетал на гастроли).

Мы благодарны нашей дорогой Людмиле Михайловне Левченко – заместителю главы администрации г.Мурманска. Находясь в отпуске, она решила сопровождать нашу группу в поездке. Мы постоянно сотрудничаем с ней в Мурманске при подготовке и проведении различных творческих проектов. Она доступна для нас все 24 часа в сутки – посоветует, поддержит, ободрит! Может, потому что человек с активной жизненной

С грузинскими друзьями

позицией, а может, потому что по образованию – педагог! Это она защищала от меня в поездке актрис, когда я в творческом порыве жаждала бесконечных уточнений в репетиции!

А теперь – добрые воспоминания о поездке расходятся, как круги по воде – это и информационный повод для СМИ, это и передаваемый восторг от гостеприимства грибоедовцев и всех, встреченных нами грузин!

А что потом, спросите вы? ДТШ готовится достойно встретить юбилей Великой Победы, провести экзамены. Мы будем ждать с ответным визитом и «грибоедовцев», и «Золотое крыльцо». Мы хотим осуществить совместный проект. Мы многое чего хотим! И не просто так, а ставим цель и идем к ней! Не страшно, ведь мы не одни! Нас поддерживает «Русский клуб» и друзья-меценаты, нас поддерживает администрация любимого города-героя Мурманска! Спектакль, книга, творческий проект, надеюсь, все получится!

Вернулись в заснеженный Мурманск. Вечером в порыве ностальгии хотели ехать в ресторан «Гамарджоба». «Помешала», вернее отвлекла, работа – подготовка к экзаменам!

Мы встретимся, Грузия!
«Я люблю тебя, Грузия». А она отвечает мне: «И я, и я!» Мы встретимся!

Выставка в фойе театра

«МАСТЕРСКАЯ ПЕТРА ФОМЕНКО» В ТБИЛИСИ

Мы ждали этого так долго. На протяжении 30 лет, после того, как Петр Наумович Фоменко, проработав в Грибоедовском театре два сезона и поставив два спектакля, покинул Тбилиси, мы жили ожиданием его возвращения.

Сам Мастер, увы, не вернулся. Но приехал его театр.

Два спектакля Фоменко – «Волки и овцы» А.Островского и «Семейное счастье» Л.Толстого. Четыре показа. Четыре аншлага. Лишних билетов для страждущих не нашлось.

Конечно, это надо видеть вживую. Но даже фотографии отражают великую магию Петра Фоменко...

Пресс-конференция

Сцены из спектаклей «Волки и овцы» и «Семейное счастье»

фото Гога Чанадური

Во дворе Дома-музея А.С. Пушкина. Набережная Мойки, 12

ДИАЛОГ «ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ»

■ Мария ФИЛИНА

5 и 6 апреля в Москве состоялась международная конференция «Борис Пастернак и Тициан Табидзе: дружба поэтов как диалог культур». Она была посвящена 125-летию со дня рождения Б.Пастернака и 120-летию со дня рождения Т.Табидзе. А в Петербурге 8 апреля в рамках этой же конференции прошел круглый стол «Россия и Грузия: диалог культур сегодня». Эти события стали не просто доказательством живой связи русской и грузинской культур, но смело можно сказать – новым словом в сегодняшних контактах. Более того, конференция, проходившая в двух столицах и подмосковном Перedelкино в Доме-музее Пастернака, обрела значение Дней грузинской культуры в России. Не формальных, а настоящих, с проявлением той «кровной связи», о которой говорил великий русский поэт.

Каждая научная встреча имеет свою историю – в наши дни они проводятся в связи с конкретными грантами, с назревшими тенденциями или интересами определенных структур. В данном случае произошло чудо. Три женщины стали инициаторами этих событий и им удалось осуществить замечательное дело вопреки всему, в том числе политическим обстоятельствам.

Два года назад писатель Наталья Соколовская, крестница Ниты Табидзе, которая стала неофициальным, но полномочным представителем грузинской литературы в Петербурге, приехала в Тбилиси вместе с директором Дома-музея Пастернака в Перedelкино Ириной Ерисановой, сотрудницей музея Пастернака и музея Марины Цветаевой, автором замечательных книг-исследований о советской литературной жизни 1920-1950-х годов Натальей Громовой, режиссером-документалистом Аллой Чикичевой, германистом Ириной Алексеевой, журналистами Галиной Артеменко и Ниной Петляновой (этот визит стал возможен благодаря поддержке президента грузинской диаспоры в Петербурге Багри Какабадзе при содействии тбилисского «Рус-

ского клуба»). В тот приезд было решено отметить две важные для грузинской и русской литературы даты: дни рождения русского и грузинского поэтов, чья дружба стала легендой XX столетия. Возник неформальный союз единомышленников, к которому подключились сотрудники московских и питерских литературных музеев, грузинские ученые и родные Пастернака и Тициана Табидзе. За эти два года в Литературном музее Тбилиси состоялась выставка малоизвестных фотографий Пастернака чистопольского периода, а так же проникновенный вечер памяти Ниты Табидзе. И, наконец, удалось организовать и эту масштабную конференцию. Ирина Ерисанова несколько раз повторила: «Нам это удалось!» Ее слова звучали из глубины души. Вообще весь цикл и тбилисских, и российских встреч отличало редкое сочетание профессионализма, подвижничества и огромной душевной отдачи.

Весьма солидная тбилисская делегация состояла из круга людей, так или иначе причастных к изучению творчества поэтов. Директор Института грузинской литературы Шота Руставели профессор Ирма Ратиани, историк литературы, профессор Заза Абзианидзе, профессор Гия Джохадзе – переводчик стихов Б.Пастернака, Нана Нибладзе – зам. директора Дома писателей, доктор филологических наук, переводчик Ирина Модебадзе, известный исследователь грузино-русских взаимосвязей Елена Киасашвили, которая вместе с автором этих строк в 1981 году привезла из Москвы в Тбилиси часть архива Пастернака и посвятила ему множество научных работ, и наконец, Нина Асатиани – внучка Тициана, ныне куратор его квартиры-музея. Из Германии прибыли русисты, бывшие тбилисцы – доктора филологических наук Мария Кшондзер и Елена Чхаидзе.

Конференция началась в Литературном музее, в Трубниковском переулке. Ее открыли Елена Владимировна Пастернак и Нина Асатиани. Большое обществен-

ное значение встречи подчеркнул директор Государственного литературного музея Дмитрий Петрович Бак. На конференции возникла атмосфера редкостного единства. Автору этих строк довелось участвовать в Первых и последующих Пастернаковских чтениях конца 1980-х. Задачей нынешней конференции было дальнейшее изучение творчества двух поэтов, в тоталитарную эпоху. Естественно, литературный контекст научной встречи был шире – постоянно звучали имена других грузинских поэтов, и в первую очередь Паоло Яшвили, так много значившего в судьбе и Пастернака и Тициана.

В музее к юбилею Б. Пастернака была организована выставка «Москва Пастернака». Экскурсию по выставке провела Наталья Громова, ее автор, – прекрасный знаток той тоталитарной эпохи. На одной из стен были представлены фотопортреты близких Пастернаку людей – жертв сталинских репрессий, и среди них, естественно, портрет Тициана.

Первым прозвучало выступление Елены Владимировны Пастернак – вдовы Евгения Борисовича Пастернака, старшего сына поэта. Она погрузила присутствующих в одну из таинственных тем – считалось, что Пастернаку было доступно особое понимание жизни и смерти, и многие, ощущая приближающуюся кончину, обращались к нему в поисках ответа на самые трагические вопросы. Подтвердила Е.В. Пастернак свои положения и материалами из семейного архива, и цитатами из «Доктора Живаго». Ряд специальных докладов

лился своим опытом переводов стихотворений Пастернака на грузинский. Прочитанные им стихи в грузинском звучании были встречены аплодисментами.

Три доклада были посвящены поэтическому циклу Пастернака «Волны». Этот программный цикл стихотворений столь многогранен, что позволяет исследовать все новые его пласты. Мария Кшондзер изучала грузинскую тему как одну из нравственных категорий в поэзии Пастернака (на материале цикла «Волны»), Владимир Абашев (Пермский университет) своеобразно разработал известный образ «даль социализма» и его наполнение, Людмила Горелик (Смоленский университет) представила многомерность и значение кавказского ландшафта в «Волнах». Анна Акимова (ИМЛИ) провела семантико-звуковой анализ пастернаковских «Уроков английского». Известный своим оригинальным подходом к казалося бы известным темам профессор Олег Лекманов (РГГУ) представил такую широкую панораму цитат о Сталине из русских и грузинских поэтических образцов 1930-х годов (в различных аспектах обожествления вождя) и стихи Манделштама о вожде, что заставил задуматься о многом – массовом гипнозе, коллективном заблуждении, лаборатории создания мифа. С интересом был заслушан доклад Елены Киасашвили «Малоизвестные факты работы Б.Пастернака с подстрочниками (по архивным материалам)». Было отмечено, что путь поэта от подстрочника к тексту перевода весьма важен, и данный доклад может лечь в основу подроб-

известных исследователей был посвящен сопряжению пастернаковского творчества с русскими поэтами, подчас совсем ему не близкими – известный литературовед и переводчик Константин Азадовский (Санкт-Петербург) представил звенья русско-грузинских культурных пересечений через творчество Пастернака и Бальмонта, Анна Сергеева-Клятис (Москва) сопоставила факты и стилистические ряды автобиографических произведений Пастернака и Ходасевича.

Профессор Ирма Ратиани и Ирина Модебадзе в сво-

ем докладе предложили теоретическое осмысление Города – центра поэтического мира у Пастернака и Табидзе (в основном на основе трактовки Петербурга). Татьяна Никольская (Санкт-Петербург), автор известных книг о литературной жизни Грузии начала XX века, на сей раз исследовала грузинскую богему в концепции Валериана Гаприндашвили, а через него – всех «голубороговцев». Профессор Заза Абзианидзе в своем эмоциональном выступлении сопоставлял два грузинских перевода «Доктора Живаго». Григол Джохадзе поде-

Участники конференции в гостях на радио «Эхо России. Санкт-Петербург».

ного исследования, тем более что в тбилисской части архива Пастернака немало документов, представляющих разные этапы работы с ними, в том числе там хранятся переводы поэта, изданные под именем Ольги Ивинской (Пастернак помогал ей работать, но сделанные от ее имени переводы весьма отличаются от собственно пастернаковских).

Автором этих строк были проанализированы письма Пастернака к грузинским друзьям (написанных при жизни Т. Табидзе и Паоло Яшвили, затем в ту пору, когда еще была надежда на то, что Тициан жив, и полные печали письма 1950-х годов), говорилось об их значении не только для своей эпохи, но и для наших дней. Было подчеркнута, что письма к грузинским друзьям - неотъемлемая часть его прозы - полностью и с современными комментариями не изданы. Идея публикации вызвала живой интерес. Доклад Елены Чаидзе (Рурский университет) был посвящен постимперским российско-грузинским связям, в частности, произведениям русских авторов на грузинскую тематику. На конференции было сделано несколько сообщений - Нана Нибладзе (Дом писателей Грузии) рассказала, сопроводив выступление видеопозаказом, о долгой истории тбилисского писательского дома. Наталия Соколовская поведала о работе над полным неподцензурным изданием монографии Галины Цуриковой «Тициан Табидзе: жизнь и поэзия», презентация которой состоялась позже в Петербурге. В сообщении Евгении Ивановой (ИМЛИ) прозвучали неизвестные, полные драматизма письма Николая Чуковского Б. Пастернаку, а Эмиль Казанджан представил работы художника Гр. Филипповского, по-

священные Пастернаку. И, наконец, всех покорила рассказ Нины Асатиани (Андриадзе) о семейных реликвиях Дома-музея Тициана в Тбилиси, сопровождаемый видеопозаказом самой квартиры и реликвий, в ней хранящихся. Нина Асатиани столь непосредственно и емко поведала о традициях семьи и уникальной коллекции, составившей музейную экспозицию, что слушатели мысленно перенесли в знаменитую квартиру на улице Грибоедова, где собирался цвет грузинской и русской поэзии.

Многообразие тематики свидетельствует о том, какой широкий круг исследователей обращен к разным сторонам творчества и личности поэтов, как тесно они связаны со всем культурным процессом, и каким индивидуальным может быть подход к ним. Но удивительно иное - прозвучали и академические доклады и эмоциональные выступления, и все они составили единое целое, что нечасто происходит на научных конференциях.

Навсегда запомнится всем присутствовавшим торжественный ужин в Доме-музее. Стол был накрыт на знаменитой веранде, которая помнит всех друзей пастернаковской семьи - выдающихся русских литераторов и грузинских друзей - Нину Табидзе, Симона Чиковани, Георгия Леонидзе и многих других. Тициан не дождался тех дней, когда дача стала одним из очагов русской культурной жизни, но не было случая, чтобы его имя не звучало за каждым застольем. К приезду Нины - внуки поэта, был приготовлен сюрприз. Девятилетняя девочка - посетительница музея, нарисовала портрет Тициана Табидзе во весь рост, и сотрудники музея прикрепили его к дверям ве-

ранды. Тициан словно присутствовал там, где так страстно мечтал его увидеть хозяин этого дома, на протяжении почти двадцати лет не веривший, что его друга нет среди живых. Приехали внуки Пастернака - Елена, Петр и Борис. Хозяйка накрыла грузинский стол. Когда внесли хаши, все были поражены - оказывается, варили блюдо всю ночь в подсобном помещении. Лариса Новосельцева, подыгрывая себе на рояле, проникновенно исполняла романсы на стихи Тициана Табидзе и других грузинских поэтов (она автор музыки). Ожила давняя традиция, и состоялось впечатление, что мы вне времени, оно расступилось и погрузило нас во взаимное объяснение в любви.

Петербургская часть конференции осуществилась благодаря поддержке грузинской диаспоры Петербурга и ее президенту Бадри Какабадзе. Программа была столь насыщенной, что мы не успевали усвоить впечатления, воздух был напоен поэзией, тени великих окружали нас, словно продолжив шествие из Переделкино. В день прилета Музей А.С. Пушкина на Мойке был закрыт, но гостей с опоздавшего самолета дождался сотрудник во главе с главным смотрителем Музея Галиной Михайловной Седовой, которая и провела нам экскурсию. Безусловно, все мы неоднократно бывали в музеях, а некоторые и работали в них. Но из последней квартиры Пушкина, в которой поэт скончался, мы выходили со слезами. Г.Седова рассказала, как реконструировалось помещение и возникла новая экспозиция. Сотрудники отдали ей годы жизни.

На следующий день встреча

проходила в Музее А. Ахматовой в Шереметьевском дворце, там же, на первом этаже, находится мемориальный кабинет Иосифа Бродского. Сотрудница музея, Елена Джумук, проводившая для нас экскурсию по квартире, где жила А. Ахматова, призналась, что очень волнуется, она всю ночь читала биографию бывавшего в этом доме Тициана. Ее экскурсия была прекрасна. Нас усадили за стол Ахматовой и включили запись ее голоса. Музейное колдовство продолжалось.

Там же, в Музее, состоялось открытие выставки работ Лоретты Абашидзе-Шенгелия, которая иллюстрировала петербургское издание «Вепхисткаосани». Были представлены оригиналы иллюстраций и работы художницы из разных ее циклов. На выставку пришли известные питерские художники, это был праздник грузинской живописи.

Завершился цикл встреч круглым столом «Россия и Грузия: диалог культур сегодня». Круглый стол прошел с пониманием того, в сколь острой и сложной обстановке мы пытаемся сохранить давний уровень взаимосвязей. Профессор Ирма Ратиани подчеркнула значительность многомерных контактов двух народов и одновременно призвала учитывать, что ныне они развиваются в новых исторических реалиях, и не осознавать этого нельзя. Мы должны опираться и на традиции, и на профессиональные интересы. Автор этих строк рассказала о перипетиях грузинской русистики за последние два десятилетия и о том, что она, несмотря ни на что, выживает и, естественно, трансформируется в новой исторической эпохе. Натэла Квелидзе-Кузнецова, директор Фундаментальной библи-

Диалог культур продолжается

отеки Герценовского университета, и Шушана Жабко, заведующая отделом национальных литератур Российской национальной библиотеки, обещали помочь учебными материалами и в свою очередь сообщили, что грузинские библиотечные собрания в Петербурге очень нуждаются в новых поступлениях, которых почти нет в последние годы.

Состоялась также презентация книги «Тициан Табидзе: жизнь и поэзия». Это первое неподцензурное издание книги петербургского историка литературы Галины Цуриковой (1928-2009) и единственная солидная монография, посвященная жизни и творчеству Тициана. Работа была проделана большая, ведь в книгу вошел и большой корпус стихов Тициана в переводах русских поэтов от Бориса Пастернака до Александра Кушнера. Представляя издание, Наталия Соколовская

сказала: «Грузинская поэзия не перестала быть для нас тем, чем была последние два века: частью русской литературы и русской культуры, чему свидетельством является эта книга».

Большая часть следующего дня была проведена нами в Эрмитаже и в новом его здании - Главном Штабе. Потом состоялось посещение церкви Шестоковской иконы Божьей Матери (грузинское подворье), где была проведена служба по жертвам 9-го апреля.

На прощальном вечере звучало столько стихов и переводов, что застолье стало еще одним вечером русско-грузинской дружбы.

Уезжая, мы осознавали, что участвовали в редком в наши дни событии, так нужном обеим сторонам. Организаторы - удивительные оптимисты - обещали новые встречи.

«Живут во мне воспоминания»

■ Владимир САРИШВИЛИ

Подготовлена к выходу в свет книга мемуаров Гиви (Николая) Андриадзе, известного кардиолога, доктора медицинских наук, чемпиона мира по фехтованию среди молодежи 1963 года, внука тончайшего, светлого поэта Тициана Табидзе. Книга написана в соавторстве с руководителем отдела внешних связей Союза писателей Грузии, доктором филологии, заслуженным журналистом Грузии Владимиром Саришвили. Этот том под названием «Времен связующая нить» по сути своей мемуарно-биографический, а жанр его можно определить как находящийся на грани художественно-документальной прозы и семейной хроники, оснащенной поэтическими, литературоведческими и культурологическими экскурсами.

«Рассказ этот – о нашей семье, о ярких представителях нашего ближнего круга, объединившихся – в поколениях – вокруг моего великого деда, одного из самых проникновенных, глубоких лириков века минувшего, обладателя неповторимого и неувядаемого поэтического дара, Тициана Табидзе. А своим даром человечности, умения дружить и даже ценою жизни не поступаться главными законами конституции души, Тициан с лихвой наградила и любимую супругу Нину Александровну, мою бабушку, и дочь свою Танит, Ниту, мою незабвенную маму.

Немалое место на страницах этой книги занимает и

рассказ о моей родовой ветви, и не просто потому, что появилось желание пригласить читателя «перелистать семейный альбом», а прежде всего потому, что личности, о которых ведется наш рассказ, их жизнь и деяния, действительно представляют собой историческую ценность, это – немаловажная часть летописи Тбилиси», – пишет в своей части предисловия Гиви Андриадзе.

И все же эта книга стоит несколько особняком в ряду биографической литературы. Поскольку в ней «задействованы» историко-документальный, эпистолярный, литературоведческий, публицистический аспекты, с привлечением цитат из художественной литературы, образцов поэзии, документов из архивов спецслужб и других документов, в том числе из домашних архивов старожилов Тбилиси.

«Участвуют» в книге – непосредственно или опосредованно – около полутора сотен персонажей и респондентов – как покинувших наш бренный мир, так и ныне здравствующих. И один из самых ярких мемуаров был записан с Лашей Табукашвили, писателем, сценаристом и драматургом с международной известностью, сыном блистательного литератора Резо Табукашвили и «ангела грузинского кинематографа», неповторимой Медеи Джапаридзе.

Мы предлагаем этот фрагмент читателям «Русского клуба» в качестве анонса будущей книги.

ВСПОМИНАЕТ ЛАША ТАБУКАШВИЛИ:

– Я очень гордился тем, что дважды, по полтора-два месяца, жил у Ниты, на Гогебашвили №43, да еще в комнатухе Гиви, который, после завоевания им звания чемпиона мира по фехтованию среди молодежи, был серьезным авторитетом для нас, «приближенных» к дому Табидзе. Особенное счастье доставляло ночевать в кровати чемпиона мира – это добрый детский снобизм... Гиви в то время находился в Москве, в Институте кардиологии. А длительные мои переселения были связаны со столь же длительными гастролями мамы и писательскими командировками отца.

В том, что мы: Нита и мои родители, а также все домочадцы – никакие не дети друзей и никакие не друзья, а просто члены одной семьи, сомнений ни у кого не вызывало. Особенно если речь шла о Ните – тут заклинание Маугли «Мы с тобой одной крови» – было как нельзя к месту. Между нами ходила поговорка: «Знаком с Нитой – знаком с Тицианом». И не только потому, что внешне Нита была «слепком» Тициана, а еще и потому, что она была живым проводником его творчества, его мировоззрения, его искусства человеческого общения, оставаясь при этом совершенно отдельной, уникальной личностью.

С друзьями моих родителей, едва ли не каждый день заполнявшими нашу коммунальную кварти-

ру на Руставели, мне было все-таки менее уютно, а иногда даже скучно, в силу разницы в возрасте. На Кавказе дистанция между старшим и младшим неизменно соблюдается веками.

А вот Ните непостижимым образом удавалось сглаживать эту дистанцию. Ее сердечное восприятие человека, вне зависимости от прожитых лет, помогало не обозначать возрастные границы. Но ты сам понимал, что фамильярность в общении с ней неуместна. До того, как я стал дедушкой, называть ее Ниточкой не поворачивался язык. Она была Нита-деида, тетя Нита. Как и в моей маме, в Ните сочетались мудрость, настоящая на жизненном опыте, и обезоруживающая наивность. Живое воплощение евангельского наставления: «Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби».

Я уверен, что игровую модель поведения с детьми и подростками Нита выбирала хоть и сознательно, но не готовила ее заранее, это была чистая импровизация. Плюс ее уникальная энергетика и артистизм.

Я книголюб, книголюб и книгоман, можно сказать, с пеленок. Читал без остановки – с семи лет по-грузински и с восьми – по-русски.

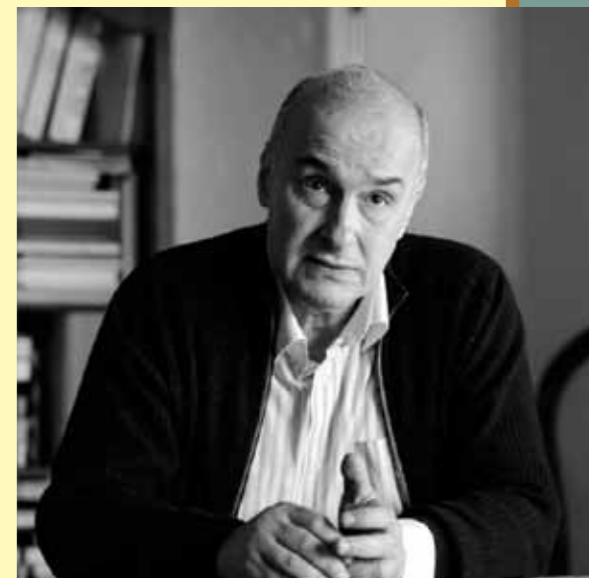
И Нита мне устроила своего рода моно-спектакль – допустила в святилище – к архиву, где хранились опубликованные за рубежом хроники, в частности, с похорон Пастернака; по делу о репрессиях в отношении «голубороговцев»...

На этот шаг Нита решилась, посоветовавшись с моей мамой и заручившись ее согласием.

Потому что риск был очевиден – ведь мы, тогдашние подростки, ходили не просто в любителях богемы и диссидентствующих школярах – мы были по-боевому настроены на борьбу с бесчеловечной советской системой.

Учеником 9 класса я уже понимал, в какой, еще более бесчеловечной системе, жили наши родители, и не мог не восхищаться тем, что они не утратили оптимизма, хотя все основания для затяжной депрессии имелись. Всем им тогда было (+ -) 40 лет, но нам они казались стариками. И они не струсили, не предали своей дружбы, не изменили своего стиля жизни в угоду «правильной» идеологии.

Нита постепенно приобщала меня к архиву. С учетом моего юношеского максимализма. Какая ярость бушевала в сердце,

Лаша Табукашвили

когда я читал о Константине Федине, который задернул шторы в окнах своей (соседней) дачи, чтобы не слушать игру Святослава Рихтера перед выносом тела Бориса Пастернака в Перedelкино...

А когда я читал хранившиеся в этом архиве протоколы допросов и пыток Тициана, я готов был открыть стрельбу. Нита, случайно проснувшись, услышала мои рыдания, подошла, успокаивала.

Она-то лучше всех знала, ЧТО я читал. Ведь самая длительная потеря зрения постигла ее именно после ознакомления с этими протоколами... И мама моя ходила тогда к ней ежедневно, часами читала любимые литературные произведения – целиком или в отрывках. В то время популярна была телевизионная рубрика «Экранизация литературных произведений». А Медея трансформировала ее в «Декламацию литературных произведений» – специально для любимой Ниты.

Возможно, тогда Нита сполна оценила эффективность давно забытого обычая чтения вслух на сон грядущий. Ее обеспокоило мое несколько одностороннее литературное развитие, увлеченность Есениным и Маяковским («Москва кабацкая», «Облако в штанах») – самые подходящие для богемы настроения. Она решила приобщить меня к Пушкину, но понимала, что докучать задорному юноше никакого толку нет. И применила метод «Декламации литературных произведений», читая мне перед сном «Евгения Онегина». Сначала я вошел во вкус, потом она «влюбилась» меня в Пушкина, а потом я

стал пушкиноманом.

Поколение наших родителей, словно по негласному сговору, не вело пространных разговоров на темы репрессий. И верно – наши головы были и так разгорячены жаждой мести красным террористам за уничтожение цвета нашей интеллигенции, за ту несправедливость, подлость и мрак, которые окружали ближний круг моих родителей и весь художественно-интеллектуальный мир Грузии, в первую очередь.

На рассвете той ночи я написал стихи. Я и сейчас не чураюсь этого юношеского опыта, напротив, гор-

жусь им. Нита была первой читательницей. И тут же безоговорочно объявила: «Прочтешь эти стихи на встрече в Союзе писателей». От слов немедленно перешли к делу. На другой же день, когда на Гогешвили гостили Кайсын Кулиев, Белла Ахмадулина, Олег Чухонцев и Юрий Ряшенцев, Нита попросила меня прочитать это стихотворение.

– Как, по-грузински?! – растерялся я.

– Ты прочти, они поймут, – утвердительно кивнула Нита.

И я прочитал:

*Бык ревел по собратьям порубленным в черных провалах
Ненасытной земли, по исчезнувшим в бездне ночей,
По расстрелянным, что не успели и вскрикнуть, рыдал он,
И означился профиль Уайльда в скользнувшем луче.*

*В изумлении прянув, исчезла надежда, а вместо,
Закусив удила, появился безногий скакун.
Жгли мужчины костры из опавшей листвы по соседству,
А поодаль еще Пастернак разрыдался в саду.*

*В том саду, где засохли уж розы, где мертвенно-голо,
Где кошулю летящую грубо вспорол носорог,
Где курок соскользнул с утонченной десницы Паоло,
И лишь холод оставил на память ружейный курок.*

*Коломбины пальто, грустно-красное, брошено было
Одинок висеть, там, на вешалке, на сквозняке,
И была уже поздняя осень, и сыро дождило,
И качалось пальто Коломбины на медном крюке.*

*Палачи в цитаделях своих, оправдаться пытаясь,
Говорили, что главное – цель, что для Бога – одно,
Будь змеей ты иль жертвой. А впрочем, немало раскаясь,
Сокрушались: «Мы больше не будем». И пили вино.*

*Смилосердствуйся, солнце, ты разве не знаешь пощады?
Ты, как мать от сосцов, оторвало от щедрых лучей
Братьев, клятвой скрепленных... Лишило ты жизни отрады
Светозарных своих, искрометных своих сыновей.*

*И распяты называли тогда Тицианом. И очи
Юной Тани Табидзе застлала полночная мгла...
Что ж и солнце вы не задушили в узилищах ночи,
Что ж вы небо тогда не спалили, убийцы, дотла?*

*Но летят ведь к прекраснейшим ножкам Тамунии гвоздики!
Строк вам не разорвать, стихотворцев в ярмо не загнать,
На Арагви убили тебя, Божий дар не простили,
И моя в том вина, с нею жить мне и с ней умирать...*

Перевод Владимира Саришвили

*Тамуния Церетели – прелестное создание с трагической судьбой, неземную красоту которой боготворил и воспевал в стихах Тициан Табидзе (ее история изложена в выходящей книге)

И они действительно поняли! Это видно было по лицам, по реакции. Нита всегда была уверена – если стихи настоящие, их поймет подлинный ценитель на любом языке. И это убеждение прошло проверку опытным путем, с привлечением четырех поэтов высшей пробы.

Затем Нита подгадала день, когда на одном из мероприятий присутствовал Ираклий Абашидзе, и «включила меня в программу». Домой к Ираклию Виссарионовичу ходить читать стихи не рекомендовалось – все равно что дарить шоколад директору шоколадной фабрики, да еще настаивать, чтобы он его съел. Когда же я закончил декламировать свой опус в зале Союза писателей, Ираклий Абашидзе аплодировал стоя. В те же дни Нита сказала по телевидению, что это – лучшие стихи о Тициане; что «Лашико удалось перевоплотиться в духовный мир «голубороговцев», в их эпоху».

Меня еще потрясли прочитанные в архиве строки о котле, в котором Паоло варил свою кепку вместе с хаши. Это так соответствовало привычной для меня богемной обстановке... И ночным пиршествам с утренним хаши, сопровождаемым антиалкогольными «филиппиками» моей мамы. «Такие таланты, и так бездарно пропиваете свой дар, посмотрите на себя, вдрабадан натрескались», – отчитывала она мужа Резо, его тезку композитора Резо Лагидзе, известного колоссальными питейными возможностями, и других гостей, которые на самом деле просто пребывали в отличном настроении, шутили, пели и смеялись.

Но встречала мама гостей всегда с улыбкой. Даже компании, «завалявавшие» в нашу коммуналку в 2 часа ночи... Накрывала на стол, привечала, несмотря на то, что утром ее ждали репетиции...

Нита обладала «страховым полисом» от подобных нашествий. Алик (ненаглядный муж, которого она раз и на всю жизнь полюбила еще в 13 лет и вышла замуж по достижении совершеннолетия) был суров и педантичен, предпочитал все расписывать и выполнять по минутам. И при всем том Алик Андриадзе и Резо Табукашвили оставались ближайшими друзьями...

Расскажу еще историю на тему столь любимой Нитой «пушкинианы», случай, который ей очень нравился.

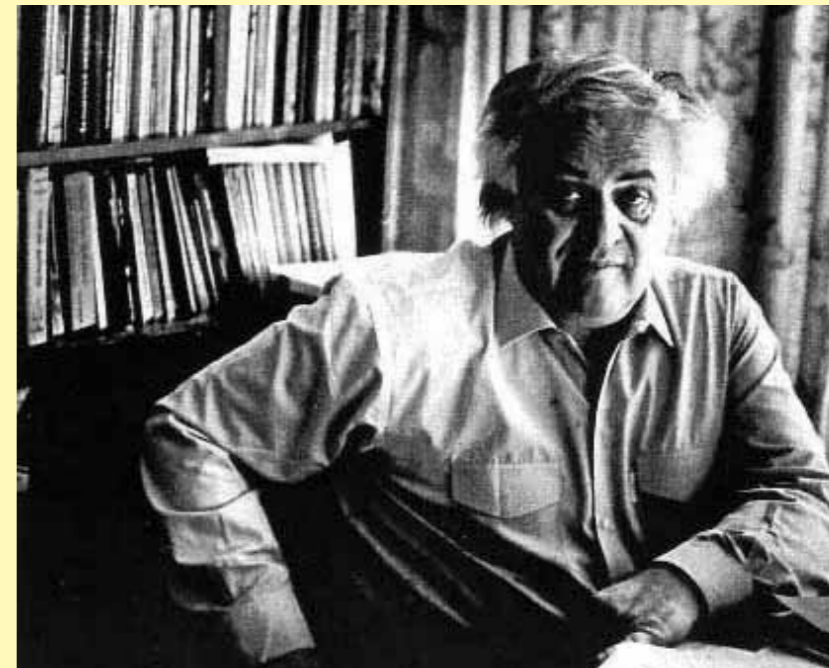
Совсем молодым, едва заявившим о себе драматургом, я, будучи в Петербурге, получил приглашение от писателя Семена Ласкина на презентацию знаменательного события в истории советской «пушкинианы». Потомки Дантеса наотрез отказывались выходить на контакт с советскими властями по поводу всякого рода уточнений и разъяснений, связанных

с дуэлью Пушкина. А Ласкин всю жизнь занимался детективом под названием «Последние дни Пушкина». И вот именно ему, единственному, каким-то образом удалось втереться в доверие к членам семьи Дантеса и добиться письменного (!) подтверждения согласия выйти на контакты.

Это письмо решили вскрыть в торжественной обстановке (о его содержании, разумеется, было заранее известно).

В одной из старых питерских дворянских квартир – в 5-комнатных апартаментах, сплошь опоясанных стеллажами с книгами, собралось человек 40, среди них – все ведущие пушкинисты. Горели канделябры, сверкало столовое серебро. Роскошный рыбный стол лоснился и лучился осетровыми спинами, переливались жемчужинками бугорки икры в ведерках, искрились графины с холодной «Зубровкой», и все вообще было в высшей степени торжественно. А какие отрывочные фразы врезались в память – будто перенесся я в дни прощания с Пушкиным: «Ну как же его никто не остановил в этом Вольфе и Беранже?!» «Ну почему не дал осечку этот проклятый Лепаж или Ульбрих?!» Поясню: на пересечении Невского и Мойки в XIX веке была кондитерская С.Вольфа и Т.Беранже, где перебивали едва ли не все русские классики. Кондитерская открылась в 1791 году и очень быстро завоевала популярность у петербуржцев благодаря не только отменной кухне, но и огромному количеству бесплатных газет и журналов. Пушкин ел здесь пирожное и пил кофе (по другим свидетельствам – лимонад) в ожидании своего секунданта Данзаса.

А Ле Паж и Ульбрих – французский и немецкий оружейные мастера. На пистолетах их производства

Натан Эйдельман

стрелялись Пушкин и Дантес. Жребий выбрал Ульбрих, привезенный Дантесом.

Несмотря на свое завидное положение молодого признанного дарования, в этой компании я чувствовал себя стесненно и старался помалкивать. Держался поодаль от эпицентра общественного внимания. Примостился рядом с очень обаятельным, будто срисованным с мультфильма толстячком, который на полу играл в паровозики с дошкольником – сыном Ласкина.

Когда же Семен Ласкин под аплодисменты зачитал долгожданное письмо, все двинулись к столу отметить сие знаменательное событие. Фуршетов в те времена не устраивали, и мы с толстячком оказались на застолье рядом. После трех-

Медая Джапаридзе

четырёх рюмок я привлек внимание общества какой-то забавной историей, потом удачно сострил, и, так сказать, влился в коллектив полноправным его членом. После чего обнаглел и решил рассказать толстячку новую для тех лет и увлекательную историю «иезуитского заговора» по «заказному убийству» Пушкина, как сейчас говорят. С явным намерением «потрясти своими познаниями» собеседника, я вешал о иезуитском плане католизации России. Для чего было задумано определить в следующие фаворитки царя Николая I Наталью Гончарову, а зачарованный монарх якобы принял бы католичество под сладкий шепот и ласки возлюбленной. И что Пушкин оказался в центре этого заговора, и что его убийство было организовано иезуитами, на пути которых стоял великий поэт. Толстячок слушал внимательно и вежливо. Когда же я немного выдохся, заявил, что версия эта любопытна, но она давно трещит по швам. Тут я полез в амбицию и заявил, что не так все просто, как ему представляется, что эту версию не торговки кислой капустой мусолят, что ее серьезно разрабатывают лучшие пушкинисты, а выдвинул ее сам Натан Эйдельман.

– Да, да, мне это известно, – согласно закивал толстячок, поддевая вилкой ломтик стерляди. – Тем более, что Натан Эйдельман – это я.

Немая сцена, последовавшая за этим признанием, стала точкой отсчета нашей дружбы. Приезжая в последующие годы в Тбилиси, Натан Эйдельман останавливался в нашей семье...

Театр имени Шота Руставели

ЗОДЧИЙ ОТВЕЧАЕТ ЗА ВСЕ

Александр Шимкевич

■ Мария ФИЛИНА

Представьте себе, что мы идем по Тбилиси, в котором стоит незавершенное здание оперного театра, нет Драматического театра им. Шота Руставели, пусто на месте Консерватории, чуть дальше не стоит здание Верховного суда, в Муштаиде не видно Музея шелка, Дома казначейства на улице Ладго Гудиашвили, да знаковых для города жилых домов на улицах Чонкадзе и Узнадзе... Все это в странном сне можно увидеть, если бы судьба не определила главным архитектором Тбилиси Александра Шимкевича. Последние годы – юбилейные годы А.Шимкевича. Звучит необычно, но точный год его рождения – 1858-ой – был установлен недавно, однако даты, связанные с деятельностью выдающегося архитектора, можно отмечать часто, ибо почти каждый год – юбилейный для какого-нибудь его творения.

Сказочным творческим вихрем пронесся за несколько отведенных ему на возведение своих шедевров лет архитектор, преобразивший облик столицы Грузии. От его личной биографии осталось немного, словно весь он воплотился в музыке камня. Можно предположить, что Александр Шимкевич при своем необычайном даро-

вании, огромной организованности и трудоспособности был весьма скромным человеком – во всех материалах о нем говорится скупно и приведена лишь одна фотография. На нас смотрит человек с открытым и вдохновенным взглядом. Нет уже подобных лиц...

Александр Шимкевич родился в Петербурге. По некоторым сведениям год его рождения 1860, но сейчас установлено, что родился он 12 ноября 1858 года, хотя вдова внука архитектора Ирина Черняева по имеющимся у нее сведениям склоняется к 1859-му. Вообще данные, которые в последние годы составлены для интернет-материалов, нуждаются в больших уточнениях. Его отец – Поликарп Шимкевич, польский дворянин из Ковенской губернии, был адвокатом, мать Аделаида Гурскалин происходила из шведско-немецкой семьи. Ее отец, Петр Гурскалин, был одним из известных издателей нот в Петербурге. Трое сыновей – Петр, Павел и Александр окончили знаменитую гимназию Карла Мая, после которой Александр учился в Петербургской Академии художеств, стал архитектором и по рекомендации отца своего друга Федора Беренштама был в 1885

году назначен архитектором в Тбилиси. Федор Густавович Беренштам, архитектор, график, библиотековед, библиограф, художественный критик, историк искусства, общественный деятель, действительный член Академии художеств, редактор-издатель журнала «Открытое письмо», член Петербургского общества архитекторов, академик, участник многих экспедиций по изучению архитектуры Кавказа, был известным в Тифлисе человеком, и его мнение оказалось достаточным, счастливый случай «состоялся».

Можно с уверенностью сказать, что без творчества Александра Шимкевича Тбилиси выглядел бы иначе. И не только Тбилиси. Итак, назовем возведенные по его проектам самые известные здания (их на самом деле гораздо больше): Артистическое общество – ныне драматический театр им. Ш.Руставели (в соавторстве с Корнелием Татищевым), консерватория, городской, ныне Верховный суд, Кавказская Шелковая станция (в Муштаиде), дом Андриолетти, Дом казначейства на улице Ладго Гудиашвили, Пушкинский пассаж на Пушкинской улице (надстроен М.Непринцевым в 1935 г.), жилые дома на улицах Чонкадзе (бывшей Гудовича, в котором и жил архитектор) и Узнадзе, не дошедшая до наших дней нижняя станция фуникулера (совместно с архитектором Блушем), гимназия в Батуми... После кончины Альберта Зальцмана А.Шимкевич завершал и строительство Театра оперы и балета. Ни один коренной тбилисец и батумец не мыслит облика родного города без этих фундаментальных, ритмичных, торжественных и одновременно легких зданий.

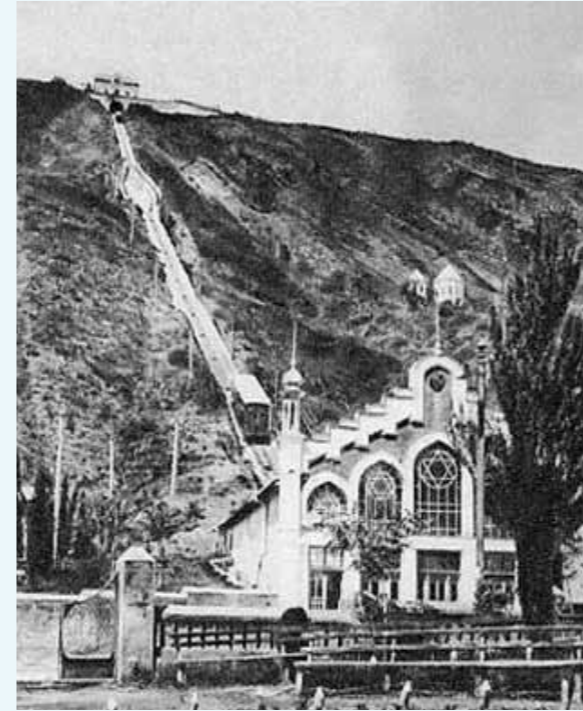
Городской архитектор – тогда эта должность звучала скромно – фактически главный архитектор столицы, в этой роли в 1885-1891 годах молодой, тридцатилетний А.Шимкевич начал грандиозное по тем временам строительство. Выросший в северной столице России, воспитанный европейской школой, зодчий оказался в совершенно новой для него среде. Древний город с неповторимым рельефом, город, в котором каждый район создавался в разные столетия и был собственным миром в едином, все расширяющемся городском пространстве, наверное, поразил Шимкевича. Надо было обладать несомненной отвагой, масштабным мышле-

нием и огромным творческим зарядом, чтобы создать новый центр Тбилиси, сохраняя индивидуальность города и творя его современный облик. Шимкевич ощутил и присущее Тбилиси смешение грузинских традиций, восточных влияний и все более явного европейского градостроительного решения. Архитектура в ту пору отличалась стремительными поисками новых стилей, масштабностью замыслов, опиравшихся на новые возможности строительных технологий. Считается, что он был мастером смешанного стиля, его здания отличаются фантазией и одновременно даром вписать архитектурное творение в окружающую среду. Шимкевич творил в пору зарождения модерна в искусстве, в архитектуре модерн отличается эклектикой, но несет в себе обаяние и изысканность. Это была молодая и смелая архитектура. Чистота стиля вообще ушла в прошлое, а здания эти, знакомые нам в каждой детали, стали основными пунктами градостроительной концепции города.

В декабре 2014-го самое масштабное празднество, связанное с памятью зодчего, состоялось в Верховном суде Грузии. Зданию исполнилось 120 лет. Хозяевами и организаторами приема стали Председатель Верховного суда и Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Польша в Грузии господин Анджей Чеш-

Здание Музея шелка

Нижняя станция Фуникулера

Здание Консерватории

в развитие культуры, искусства и архитектуры Грузии.

В заседании приняла участие внучка архитектора Ирина Черняева, которая поблагодарила организаторов и рассказала о фонде Шимкевича. Среди многочисленных гостей были члены правительства Грузии, дипломаты, представители международных организаций и диаспор.

Александр Шимкевич был разносторонней личностью, вообще для эпохи рубежа веков характерен творческий подъем и неумное стремление к прогрессу, к общественному посвящению. Архитектор избирался депутатом городской думы, членом Кавказского Общества поощрения изящных искусств. В 1905-1906 гг. преподавал архитектуру и рисование в Тифлисском художественном училище, на базе которого была создана Академия художеств. Тогда была учреждена стипендия имени А.Шимкевича для способных молодых художников и архитекторов. Он спешил воплотиться в разных ипостасях, как будто предчувствуя, что ему отмерена недолгая земная жизнь. Пора модернизма наполнена густой мистикой, которая, конечно же, из всех видов искусств менее всего относится к архитектуре. Зодчество требует не только фантазии, но расчетов и кропотливого труда. И если в поэзии, живописи и даже в прикладном искусстве можно подчиняться лишь собственной фантазии, капризу, творить в «пограничных», как требовали символисты, состояниях опьянения, сна и видений, то архитектор обязан, подчиняясь своему вдохновению, сохранять трезвость. И его ответственность, несомненно, выше. Можно не читать стихов модернистов, если они не соответствуют внутреннему состоянию души, но здания должны радовать взор, их интерьеры – быть эстетичными и удобными одновременно. Архитектурное творение создается для тысяч и тысяч, зодчий отвечает за все – от прочности здания до последней детали в украшениях.

Не дожив до пятидесятилетия, архитектор скончался во время поездки на родину предков осенью 1907 года в Варшаве. У него было четверо сыновей, Николай учился и работал в Париже, а внук Саша Шимкевич окончил Академию художеств в Париже и стал графиком и дизайнером с европейским именем. Семья Шимкевичей богата талантами. Известным ученым-этнографом был и

брат архитектора – Петр Поликарпович. Он исследовал Сибирь – Хабаровский край, Якутию.

Александра Шимкевича похоронили в ограде лютеранской церкви в Тбилиси – вероисповедание он унаследовал от матери. В советские годы церковь была разорена, а захоронения варварски уничтожены. Позже на этом месте возвели обновленный Евангелическо-лютеранский храм.

В наши дни правнучка архитектора Елена Черняева, ее мать Ирина Черняева и сын Елены Александр Карабегов стали инициаторами создания «Фонда Александра Шимкевича», зарегистрированного в 2008 году. Председателем является И.Черняева, а сопредседателем – А.Карабегов. Задачи фонда были многоплановы – восстановление стипендии имени Шимкевича, охрана культурного наследия, пропаганда творчества. На осень 2008 года были намечены юбилейные торжества. На идею откликнулись и Театр имени Шота Руставели, Тбилисская государственная консерватория, Верховный суд, Музей шелка – все организации, расположенные в зданиях, возведенных зодчим. В подготовке цикла вечеров участвовали Союз «Полония», Ассоциация немцев Грузии «Айнунг», Ассоциация украинцев Грузии «Рушник». Августовская трагедия смешала все планы. Снова стало не до Шимкевича.

Хотя все как будто выступали за развитие фонда, он столкнулся с большими сложностями, в первую очередь, естественно, финансовыми. Как всегда лишь усилиями конкретных людей удалось что-то сделать. Несмотря на почтенный возраст мотором фонда стала Ирина Черняева, а также архитектор и соучредитель Нино Кордзахия, Донара Канделаки, председатель ассоциации «Рушник» Владимир Дьяченко, работавший над архивными материалами, Нина Березиани и близкие семьи потомков архитектора, которые и спонсировали рождение фонда и пожелали остаться неназванными. Выяснилось, что в биографии столь выдающегося человека, который казался бы находился у всех на виду, множество «белых пятен».

16 декабря 2011 года удалось установить скромную мемориальную плиту на месте предполагаемого захоронения, точное расположение могилы неизвестно – в ограде лютеранской церкви в Тбилиси. На открытии

присутствовали и выступили тогдашний посол Польши в Грузии Уршула Дорошевска, епископ Евангелическо-лютеранской церкви Ханс-Йоахим Кидерлен, зам. председателя Сакребуло столицы, представители Союза архитекторов, архитектор Тамаз Герсамия, представлявший Центр по изучению грузинского искусства и охране памятников им. Г.Чубинашвили, директор Музея шелка Саломе Цикаришвили, автор этих строк – председатель союза поляков Грузии «Полония», председатели немецкой, украинской и чешской диаспор, журналисты.

Жизнь архитектора была полна драматических событий, но посмертная судьба оказалась не менее трагической. Уничтоженная могила, дети и внуки, разбросанные революционным вихрем по разным континентам. И вот буквально через несколько недель после торжества в Верховном суде, когда, казалось, все, связанное с архитектором, осветилось радужными красками, скончалась его правнучка – тонкая поэтесса Елена Черняева. Хоронили ее в новогодние дни. Она с семьей жила в доме, часть которого принадлежала архитектору (там жила его сестра) и где за зданием Театра оперы и балета (ныне улица Табукашвили) находилась его мастерская. Проваленные лестницы и полы, обрушенные потолки. На месте мастерской – руины и скелеты стен, гнилые останки деревянных балок. Архитектор, подаривший городу его лучшие здания, был бы, наверное, безмерно удивлен, что его дом в центре города умирает и лишен какого-либо внимания.

В 2011 году представитель Сакребуло предложил установить бюст Александра Шимкевича и назвать улицу его именем. Это было бы естественным. Неестественно и парадоксально, что доныне именем архитектора, воздвигшего знаковые здания в столице не названо ничего, хотя в целом о грузино-польской дружбе говорится непрерывно. На заседании в Верховном суде вновь прозвучало предложение, а скорее обещание присвоить одной из улиц в Сололаки или на Мтацминда имя Шимкевича. Город должен достойно поклониться человеку, отдавшему всю свою творческую жизнь и весь свой талант его преобразованию.

РОЖДЕННЫЙ ДЛЯ БОЛЬШОЙ СЦЕНЫ

Не стало еще одного грибоедовца: на 88-м году ушел из жизни Ефим Байковский. Красивый, яркий человек, он прожил интересную и долгую жизнь в искусстве. Редко кому из артистов доводится до самых последних дней выходить на сцену и покорять своим искусством зрителей. Ефим Исаевич Байковский относился именно к этой категории театрального долгожителя.

Когда-то театру имени А.С. Грибоедова улыбнулась удача: Ефим Байковский согласился приехать в Тбилиси и стать его актером. Впрочем, для самого Ефима Исаевича это тоже стало исполнением мечты. «О работе в Тбилиси, в русском драматическом театре им. А.С. Грибоедова мы с женой, актрисой Ниной Артуновской, могли только мечтать, – вспоминал позднее актер. – Существовало среди актеров такое поверье – если артист, работающий в Грибоедовском театре, «прошел» у зрителя, если зритель его принял – значит, путь этому актеру открыт в любой столичный театр страны».

Тбилисский зритель полюбил Ефима Байковского всей душой – его Паратова и Арбенина, Гусятникова из спектакля «В этом милом старом доме» А.Арбузова и Николая I из постановки «Шаги командора» В.Коростылева, чеховского Иванова и Кима из спектакля «С вечера до полудня» В.Розова.

Как отмечают коллеги, Ефим Байковский был рожден для большой сцены – не только потому, что обладал соответствующей фактурой: все, что он делал в театре, было крупно, масштабно, глубоко.

Увы, последние годы Ефим Байковский радовал своим талантом уже не тбилисских зрителей. Зато повезло москвичам: с 1990 года артист с успехом выступал на сцене театра имени В.Маяковского – в спектаклях «Плоды просвещения», «Кин IV», «Мертвые души», «Таланты и поклонники», «Три сестры» и многих других. Байковский оставил свой след и в кинематографе: снялся в фильмах «Побег на рассвете», «Берега», «Солнечный ветер» и других.

ზაპარია ფალიაშვილის სახელობის თბილისის
ოპერისა და ბალეტის
სახელმწიფო პროფესიული თეატრი

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

ПЕТР ЧАЙКОВСКИЙ 175

ЮБИЛЕЙНЫЙ КОНЦЕРТ

ТЕЙМУРАЗ ГУГУШВИЛИ
ИРИНЕ РАТИАНИ
МАРИКА МАЧИТАДЗЕ
ЕЛЕНА ПУТИЛОВА
НИКОЛОЗ ЛАГВИЛАВА
ЗААЛ ХЕЛАЯ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ГОСТЬ
АЛЕКСАНДР КОРСАНТИЯ

СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР ТБИЛИССКОГО ТЕАТРА
ОПЕРЫ И БАЛЕТА

ДИРИЖЕР
ДАВИД КИЦУРАШВИЛИ

СОСТОИТСЯ В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ КОНСЕРВАТОРИИ,
УЛ. ГРИБОЕДОВА, 8

БИЛЕТЫ ПРОДАЮТСЯ В КАССЕ БОЛЬШОГО ЗАЛА
КОНСЕРВАТОРИИ
ТЕЛ. (+99532) 293-46-24

БРОНИРОВАНИЕ БИЛЕТОВ:
ТЕЛ. (+995591) 104-566

7 МАЙ, 2015
19:00

ГОРОДА РОССИИ

РОССИЯ. ВОЛГОГРАД.
Е. В. ВУЧЕТИЧ.
МОНУМЕНТ «РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!»
НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ.
1959—1967 ГОДЫ.

